

Энсворт В.

ЗАГОВОР КОРОЛЕВЫ

Вильям Энсворт
Заговор королевы

«Алгоритм»

1860-1870

УДК 821.112.2
ББК 84(4Г)

Энсворт В. Г.

Заговор королевы / В. Г. Энсворт — «Алгоритм», 1860-1870

ISBN 978-5-486-03996-6

Вильям Гаррисон Энсворт (1805–1882) английский писатель, относящийся к так называемой «ньюгетской школе», к которой причисляют также Бульвер-Литтона, Дизраэли и других. В большинстве романов Энсворта сюжеты берутся из английской истории, в некоторых из истории Франции, причем он передает голые исторические факты в весьма живых диалогах, обставляя их комической интригой, а также порой эпизодами с духами и привидениями. Наиболее известные произведения Энсворта: «Роквуд», «Борьба за трон», «Лондонский Тауэр», и особенно «Джек Шеппард» – роман из жизни лондонских воров, подавший Эжену Сю идею его «Парижских тайн», которым, впрочем, он уступает во всех отношениях. В данном томе представлен роман «Заговор королевы», повествующий о нравах французского и английского дворянства, королей и их фаворитов, о противостоянии оппозиции и монархов. Это и художественное произведение, и труд историка, где яркий дар рассказчика сочетается с глубоким знанием эпохи.

УДК 821.112.2

ББК 84(4Г)

ISBN 978-5-486-03996-6

© Энсворт В. Г., 1860-1870

© Алгоритм, 1860-1870

Содержание

В. Энсворт	5
Книга первая	6
Студенты	6
Джелозо	15
Ректор	20
Английский бульдог	29
Козимо Руджиери	34
Маска	37
Книга вторая	44
Двор Генриха Третьего	44
Эклермонда	54
Генрих III	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

В. Энсворт
Заговор королевы

© ООО ТД «Издательство Мир книги», 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

* * *

Книга первая

Студенты

Под вечер, в среду, 4 февраля 1579 года, большая толпа студентов теснилась перед готической дверью старинной Наваррской коллегии. Толпа была так велика, что не только заполняла всю площадь перед этим знаменитым рассадником знаний, но и простиралась далеко за улицу Святого Иакова, на которой он находился. Подобной беспорядочной сходки не было со времени мятежа 1557 года, когда предшественники этих буйных студентов пошли гурьбой с оружием в руках в Пре-о-Клер¹, подожгли три дома по соседству и убили сержанта гвардии, безуспешно старавшегося их обуздать. Последние выборы ректора, мессира Адриана Амбуаза, ученого патера, как гласит его эпитафия, по случаю которых студенты собрались в монастыре Матюринов и оттуда шумной процессией отправились в церковь Святого Людовика на острове того же имени, были пустяками по сравнению с нынешними беспорядками. Каждый богословский улей прислал своих трутней: Сорбонна, Монтегю, Ключи, Гаркур, Четыре Нации и множество меньших заведений, в числе сорока двух, доставили свои рои, так изрядно жужжавшие.

Накануне открылась Сен-Жерменская ярмарка, но она была неправдоподобно пуста, хотя ее веселье должно было продолжаться до Вербного воскресенья, поскольку она всегда служила местом сбора студентов, предававшихся во время карнавала всевозможным излишествам.

Не было посетителей и в знаменитых кабаках: «Сосновой шишке», «Замке», «Магдалине и Туфле».

Игральные кости были забыты, и карты лежали без употребления в карманах безудержных школьных гуляк.

Но толпа состояла не только из буянов, игроков, хвастунов и пьяниц, хотя надо признаться, что они составляли большинство. Это было полное смешение всех сект и сословий. Иногда скромная наружность и бледное лицо трудолюбивого ученика соседствовали со свирепой физиономией и небрежной осанкой ближайшего соседа, очень походившего своим видом на итальянского джентльмена удачи. Важный богослов и будущий священнослужитель стояли рядом с беспутным, насмешливым товарищем, между тем как мнимый законовед, известный нарушитель законов, обнаруживался в кружке людей, все занятие которых заключалось как раз в том, чтобы преследовать обман и насилие.

Одежда людей, составлявших это сборище, была столь же разнообразна, как были различны их характеры. Не будучи подчинен никаким особенным постановлениям относительно своего внешнего вида или, вернее сказать, открыто нарушая те, которые предписывались, каждый студент, к какой бы он ни принадлежал коллегии, одевался сообразно своему вкусу и своим средствам, и, в общем, эта толпа не выделялась ни щегольством, ни опрятностью одежды.

Шляпы, круглые и четырехугольные, капюшоны и плащи – черные, серые и других темных цветов – были преобладающей одеждой студентов университета, однако и там и сям можно было увидеть более веселых представителей этого сословия. Их высокие шляпы с широкими полями и развевающимися перьями, оттопыренные рукава и чудовищные жабо с накрахмаленными складками таких размеров, что их довольно метко прозвали блюдами святого Иоанна Крестителя, – за сходство голов тех, которые их носили, с головой этого святого на блюде

¹ Пре-о-Клер – место в старом Париже на левом берегу Сены, у стен знаменитого монастыря Сен-Жермен-де-Пре. Любимое место прогулок парижан и дуэлянтов. Ныне от монастыря остался только собор.

дочери Иродиады², – напоминали в гротескном виде моду изящного и блистательного двора Генриха III³.

Эти наглецы довели свою страсть к подражанию до такого своевольтва, что некоторые из них, только что возвратившиеся с Сен-Жерменской ярмарки, где они наугощались глинтвейном у наполнявших площадь маркитантов, носили вокруг шеи огромные бумажные воротники, выкроенные по образцу настоящего кисейного жабо, а в руках держали длинные пустотелые палки, с помощью которых перестреливались горохом и другими подходящими средствами, имитируя тем самым «сарбакан», введенный в употребление монархом и его любимцами.

В таком фантастическом наряде эти забавные проказники, предпочитавшие смех благо разумию, имели дерзость встретить в тот же день, только несколькими часами ранее, на названной нами ярмарке королевский поезд криками: «По шее узнается теленок!» – такими громкими, что они достигли слуха короля, – шутка, за которую они дорого заплатили впоследствии. Несмотря на жалкую наружность отдельных личностей, общий вид учащейся молодежи был выразителен и живописен. Густые усы и острые бородки, украшавшие губы и подбородки большинства, придавали их лицам мужественное и решительное выражение, вполне соответствовавшее их смелым, свободным манерам.

Почти все имели при себе крепкие виноградные палки – короткое, с железным накопечником орудие, которым они превосходно владели и которое, благодаря их ловкости, навело ужас на противников. Многие из них носили на поясе короткие шпаги, прославленные их поединками и ссорами, или же прятали в своих куртках кинжалы либо ножи.

Студенты Парижа были всегда буйны и непокорны; во времена этого рассказа и даже гораздо ранее это была шайка ленивых, неугомонных молодых людей, собравшихся со всех концов Европы, из самых отдаленных провинций Франции. Между ними не было никакой связи, кроме товарищества, поддерживаемого их общей распущенностью. Отсюда и бесчисленные драки между собой, имевшие почти всегда пагубные последствия и которые никак не могло искоренить руководство университета.

Они жили на свои скудные средства, увеличивая их по возможности милостыней и воровством, так как большинство студентов были изначально и заведомо нищими. Их собственные кварталы служили убежищем, где они могли очень удобно скрываться, и потому они не признавали иного закона, кроме постановлений университета, и не стесняясь пользовались любыми возможностями поживиться за счет своих соседей. Отсюда их частые схватки с монахами Сен-Жермен-де-Пре, монастырские владения которых граничили с их землей. Лужайки, принадлежавшие монахам, служили постоянным полем их схваток; по словам Делюра, они были театром непрерывной суматохи, волокитства, поединков, битв, пьянства и разврата. Отсюда их кровавые ссоры с добропорядочными гражданами Парижа, которые студентов ненавидели и которые подчас с лихвой расплачивались с ними за их нападения.

В 1407 году двое студентов, уличенные в убийстве, были приговорены к виселице, и приговор привели в исполнение. Но так велико было смятение, произведенное в университете нарушением дарованных ему льгот, что префект Парижа, Вильгельм Тионвиль, был вынужден издать приказ о снятии тел с виселицы и позволить похоронить их с почетом и надлежащей церемонией. Это признание привилегий университета только ухудшило положение дел, и в продолжение многих лет беспорядки все возрастали.

В наш план не входит рассказ о всех буйствах университета и о мерах, принятых к их искоренению. Напрасно преследовала их светская власть, напрасно Ватикан раздражался грозными указами – ничто не помогало. Можно было скосить, но не искоренить дурную траву.

² *Иродиада* – библейский персонаж, внучка Ирода Великого, виновница смерти Иоанна Крестителя, казненного по ее просьбе.

³ *Генрих III* (1551–1589) – король Франции с 1574 г., последний из династии Валуа. Погиб во время религиозных войн будучи заколот кинжалом монахом-фанатиком Жаком Клеманом.

Их ссоры передавались от поколения к поколению, и предмет их старинных препирательств с аббатом Сен-Жермен-де-Пре, после тридцатилетней непрерывной борьбы, был представлен на рассмотрение Папы, который совершенно справедливо отказался произнести решение в пользу той или другой стороны.

Таковы были студенты Парижа XVI века, таковы были свойства шумного сборища, осаждавшего двери Наваррской коллегии. Причиной, по которой собралась эта беспорядочная толпа, было, по-видимому, желание студентов присутствовать при публичных прениях или ученом диспуте, происходившем в большом зале коллегии, перед которой они теснились, и разочарование при виде закрытых дверей и отказе пропуска внутрь вызвало их теперешнее мятежное настроение.

Напрасно алебардчики, поставленные у дверей и силившиеся удержать своими пиками толпу, старавшуюся пробиться вперед, говорили, что зал и двор переполнены, что даже для доктора права не нашлось бы места, что они получили строгое и неукоснительное приказание не впускать никого званием ниже бакалавра или лиценциата и что *мартинисты* (студенты, не жившие в стенах университета и не находившиеся на пансионе в коллегии) и такие новички, как они, не имеют никакого права быть впущенными.

Студенты отвечали, что это были не простые прения, не обыкновенный диспут и что все имеют одинаковое право присутствовать. Что дело идет не о простом ученом, слава которого не простирается за пределы его деятельности и которого слышать пожелали бы очень немногие и еще меньшее число – поддерживать с ним диспут, но об иностранце высокого звания, пользующиеся большим почетом, столь же замечательным своими познаниями, как и блестящими внешними качествами.

Напрасно старались опровергнуть их доводы тем, что на собрании присутствуют не только важнейшие представители университета, старейшие доктора богословия, медицины и права, профессора словесных наук, риторики и философии и множество других сановников, но что диспут удостоен присутствием господина де Ту, первого президента парламента, и ученого Иакова Августа, одного государственного секретаря и Парижского губернатора господина Рене де Виллекье, посланников Елизаветы Английской⁴ и Филиппа II Испанского⁵ и многих господ из их свиты, Пьера Бурделя, аббата Брантома⁶, господина Мирона, доктора его католического величества Генриха III, Козимо Руджиери⁷, главного астролога Екатерины Медичи, королевы-матери, знаменитых поэтов и писателей – Ронсара⁸, Бальфа и Филиппа Депорта⁹, известного адвоката при парламенте Этьена Паскье, а также – и это составляло самое важное возражение – двух главных фаворитов его величества, стоявших во главе правления, господ Жуайеза¹⁰ и д'Эпернона¹¹.

⁴ *Елизавета I* (1533–1603) – королева Англии с 1558 г. Ввела в Англии реформаторскую церковь, успешно способствовала процветанию страны, превратившуюся при ней в морскую державу.

⁵ *Филипп II* (1524–1598) – испанский король с 1558 г. Будучи ревностным католиком, вел непрерывные войны за торжество католической религии. Безуспешные войны и кровавая внутренняя политика подорвали экономику Испании. Вошел в историю как мрачная, жестокая личность.

⁶ *Брантом* Пьер де Бурдель (1540–1614) – французский писатель, знатный дворянин. Несмотря на титул аббата вел жизнь авантюриста. Участник многочисленных войн и сражений.

⁷ *Руджиери* Козимо (?–1615) – флорентийский астролог, доверенное лицо Екатерины Медичи.

⁸ *Ронсар* Пьер (1524–1585) – французский поэт, глава «Плеяды»; его произведения проникнуты гуманистическими идеалами Возрождения.

⁹ *Депорт* Филипп (1546–1606) – французский поэт, священник, любимец королей Карла IX и Генриха III, а впоследствии и Генриха IV.

¹⁰ *Жуайез* Анн (1561–1587) – французский дворянин, герцог, любимец Генриха III. Тот сделал его герцогом, пэром, адмиралом, губернатором Нормандии и женил на сестре королевы. Пал в битве при Кутрэ.

¹¹ *Д'Эпернон* Жан-Луи де Ногаре (1554–1642) – французский вельможа, любимец короля Генриха III, участник религиозных войн, во время которых прославился своей храбростью.

Напрасно прибавляли, что для поддержания строгой благопристойности ректор распорядился запереть двери. Студенты были сильны в спорах, и их аргументация очень скоро разумила противников. Они вполне полагались на свою ловкость для одержания верха в подобных случаях.

– Долой ведущих диспут! Долой алебардщиков! Долой двери! – закричали разом сотни яростных голосов. – Долой самого ректора! Долой мессира Адриана Дамбуаза! Не допускать учеников университета в их собственные залы! Заискивать перед фаворитами двора! Держать диспут при закрытых дверях! Долой ректора! Мы издадим приказ сейчас же провести новые выборы!

После этого сильный ропот пронесся в толпе, за которым последовал новый взрыв проклятий в адрес ректора и демонстрация дубинок, в сопровождении града гороха, выпущенного из сарбаканов. Алебардщики побледнели и охотно бы уступили, но дверь была заперта с внутренней стороны, жезлоносцы и сторожа, к ней приставленные, хотя и были перепуганы наружным шумом, но категорически отказывались отворять.

Снова раздались угрозы студентов, снова обратились они к насилию, и горох застучал по лицам и рукам алебардщиков, едва сдерживающихся от гнева и боли.

– Что ты нам рассказываешь о фаворитах короля! – кричал из первого ряда студент, украшенный одним из тех бумажных воротников, о которых мы говорили. – Они могут приказывать в Луврских покоях, но не в стенах университета. Ей-богу! Мы нисколько ими не дорожим! Мы смеемся над безобидным лаем этих откормленных дворцовых шавок! Что могут для нас значить эти попрыгунчики? Клянусь четырьмя евангелистами, мы не потерпим здесь ни одного из них. Советуем д'Эпернону, этому гасконскому недорослю, поразмыслить над участью Можирона, а нашему весельчаку Жуайезу – припомнить смерть этой собаки Сен-Мегрена!¹² Уступите место более достойным! Уступите место учащимся! Долой жабо и сарбаканы!

– Что значит для нас президент парламента или губернатор города! – вопил другой. – Мы смеемся над их властью, мы ее признаем только в их судебных палатах. Ступив на нашу землю, они оставили всю свою власть по ту сторону ворот Святого Иакова. Мы не принадлежим ни к какой партии! Мы в политике придерживаемся строгой середины. Мы не более уважаем приверженцев Гиза, чем гугенотов; лигисты нам не дороже кальвинистов. Наш единственный господин – Григорий XIII¹³, папа римский. Долой Гизов¹⁴ и беарнцев!¹⁵

– Долой Генриха Наваррского¹⁶, если вы этого желаете, – воскликнул студент из Гаркура, – или Генриха Валуа, если это вам более нравится, но – ради всех святых – только не Генриха Лотарингского, он надежная и крепкая опора истинной веры. Нет! Нет! Да здравствуют Гизы! Да здравствует Священный союз!

– Долой Елизавету Английскую! – кричал студент из Клюни. – Что делает здесь ее представитель? Уж не ищет ли он ей мужа среди наших ученых? Плохая будет сделка, если она отдаст руку герцогу Анжуйскому¹⁷.

¹² *Можирон, Сен-Мегрен* – французские дворяне, фавориты короля Генриха III, погибшие в результате придворных интриг.

¹³ *Григорий XIII* (1502–1585) – римский папа с 1572 г. Активно поддерживал и вдохновлял борьбу католицизма против протестантов, во Франции помогал Карлу IX и Гизам в их борьбе против гугенотов.

¹⁴ *Гизы* – герцоги Лотарингские, ярые сторонники католицизма, активные участники и организаторы религиозных войн во Франции, некоторое время даже претендовали на французский престол.

¹⁵ *Беарн* (лат. *Веперна*) – южная пограничная область Франции; главный город По. Здесь *беарнцами* названы сторонники Генриха IV, родившегося в Беарне.

¹⁶ *Генрих IV* (1553–1610) – король Наваррский с 1572 г., король Франции с 1593 г. Будучи гугенотом, принимал участие в религиозных и гражданских войнах на стороне протестантов. Дважды из политических соображений менял веру на католическую. Именно ему принадлежит фраза «Париж стоит мессы». В 1598 г. издал Нантский эдикт, уравнивающий права католиков и протестантов. Основатель династии Бурбонов.

¹⁷ *Герцог Анжуйский*, Эркуль-Франсуа де Валуа (1554–1584) – французский принц, брат королей Франциска II, Карла IX и Генриха III.

– Если вы дорожите своим воротником из буйволово́й кожи, то советую вам не отзы-ваться непочтительно в моем присутствии об Елизавете Английской, – подымая с угрозой свою окованную палку, возразил англичанин из Четырех Наций, такой же заносчивый, как и его огромный бульдог, следовавший за ним по пятам.

– Долой Филиппа Испанского и его посланника! – кричал бернардинец.

– *Por los de mi dama!*¹⁸ – воскликнул принадлежавший к Нарбонской коллегии испанец с огромными закрученными усами на бронзовом дерзком лице, в низкой шляпе, гордо нахлобученной на лоб. – Так поступать нельзя! Представитель его величества дона Филиппа должен быть уважаем даже в среде парижских студентов. Кто из вас не согласен со мной! А?

– В таком случае, что он делает здесь, со своей свитой? – возразил бернардинец. – Черт возьми! Этот диспут один из тех, которые нисколько не касаются интересов вашего короля, а мне кажется, что Филипп и его представитель интересуются только тем, из чего могут извлечь пользу. Я уверен, что присутствие вашего посланника в нашем училище имеет какой-то тайный повод.

– Может быть, – отвечал испанец. – Мы поговорим об этом после.

– А что делает поставщик Сибарита¹⁹ в пыльных залах науки? – завопил студент из коллегии Ламуан. – Чего ищет ревнивый убийца жены и ее не рожденного еще ребенка так близко от независимых речей и, быть может, верно направленных шпаг? Я думаю, что для него было бы гораздо разумнее оставаться в своем гареме, чем подвергать свою надушенную особу разным случайностям среди людей, прикосновение которых может оказаться поглубже того, к которому он привык.

– Хорошо сказано! – воскликнул ученик из Клюни. – Долой Рене Виллекье, долой этого презренного роконосца, хотя он и губернатор Парижа!

– Какое право имеет господин аббат Брантом занимать место среди нас? – возопил студент из коллегии Гаркур. – Он, несомненно, славится умом, ученостью и любезностью, но какое нам до этого дело! Его место могло бы быть занято более достойным.

– И что привело сюда Козимо Руджиери? – спросил бернардинец. – Что надеется узнать здесь этот старый торговец темными знаниями? Мы не занимаемся химией и тайными науками. Мы не делаем ничего незаконного: не готовим любовного напитка, не составляем медленного яда, не продаем чьих-то восковых изображений. Поэтому я спрашиваю, что он здесь делает? Ректор поступает совершенно неприлично, допуская его присутствие. Даже если бы он явился сюда под охраной власти своей любовницы Екатерины Медичи, мы не уважили бы и этого. Долой аббата-идолопоклонника, мы слишком долго терпели все его мерзости, вспомните Моле, попавшего в его сети, вспомните его бесчисленные жертвы! Кто приготовил адское питье для Карла IX?²⁰ Пусть он ответит на это. Долой вероломного жида и колдуна! Виселица слишком хороша для него! Долой Руджиери!

– Да! Долой проклятого астролога! – подтвердила вся толпа. – Он сотворил за свою жизнь достаточно преступлений! Время воздаяния настало. Написал ли он собственный гороскоп? Предвидел ли он собственную судьбу?

– И поэты! – кричал другой ученик Четырех Наций. – Прах их побери, всех трех. Их место не здесь. Что могут они найти занимательного в этом диспуте? Бесспорно, что Пьер Ронсар в качестве воспитанника этой коллегии имеет право на наше уважение. Но он стареет,

¹⁸ Клянусь честью моей дамы! (*исп.*)

¹⁹ *Сибарит* – от *Sybaris*, названия греческого города в Лукании, основанного ахейцами и трезенцами около 720 г. до н. э., могущественного и богатого торгового центра. В период расцвета к его области примыкали 25 городов. Богатство приучило жителей Сибариса к столь изнеженному образу жизни, что слово *сибарит* сделалось нарицательным обозначением человека, живущего в роскоши.

²⁰ *Карл IX* (1550–1574) – король Франции с 1560 г. В начале его правления начались религиозные войны, санкционировал в 1572 г. Варфоломеевскую ночь.

и я удивляюсь, как мог он при своей подагре вынести эту длинную дорогу. Старый наемный писака! Его последние стихи хромают подобно ему. И вдобавок он ударился в морализм и осуждает все свои прежние хорошие произведения. Положительно эти устарелые барды отрекаются всегда от того, в чем проболтались в молодости. Климент Моро принялся на старости сочинять псалмы, что же касается Бальфа, то имя его не переживет его балетов. Филипп Депорт обязан своей нынешней известностью виконту Жуайезу, однако же он не совсем лишен достоинств. Пусть он уходит со своей славой и не надоедает нам своим присутствием! Очистите место софистам Нарбонской коллегии! Ко псам поэзию!

– Черт возьми? – воскликнул студент Сорбонны. – Что значат софисты Нарбоны в сравнении с сорбонскими докторами канонического права, которые объясняют притчи Корнелиуса, Лапида или сентенции Петра Ломбарда так же проворно, как вы проглатываете бутылку глинтвейна или ломтик икры с уксусом? Что скажешь ты на это, Капет? – обратился он к своему соседу, скромный серый капюшон которого доставил ему это прозвище. – Заслуживаем ли мы такое оскорбительное обращение?

– Я не нахожу, что ваши заслуги значительнее наших, – отвечал ученик в капюшоне, – хотя мы не восхваляем себя, подобно вам. Ученики скромного Иоанна Стандонша столь же способны поддержать диспут, как и ученики Роберта Сорбонна, и я не могу понять, по какой причине не впускают нас? Здесь затронута честь университета, и необходимо соединить все силы, чтобы отстоять ее.

– Хорошо сказано! – проговорил бернардинец. – Было бы вечным пятном для наших училищ, если бы этот надменный шотландец мог так легко лишить их славы, между тем как многочисленные борцы не имеют возможности ее отстаивать, хотя и сумели бы поубавить ему спеси. Эта борьба из разряда тех, которые всех нас одинаково касаются. По крайней мере, мы могли бы быть в случае надобности судьями в этом деле.

– Я очень мало забочусь о чести университета, – возразил один шотландец из Шотландской коллегии, находившейся в то время на Миндальной улице, – но принимаю большое участие в славе моего соотечественника и был бы очень рад, если бы мог присутствовать при торжестве ученика Рутефорда и классика Бушанана. Но если предлагаемое вами посредничество заключается в одних только криках, то я доволен, что ректор имел благоразумие воспретить вам вход, хотя и сам страдаю от этого.

– Что вы там рассказываете? – возразил испанец. – Очень маловероятно, чтобы ваш соотечественник имел успех, которого вы для него ожидаете. Верьте мне, нам придется приветствовать его при выходе громким свистом, и если бы мы могли проникнуть сквозь железные филенки этих дверей и видеть сцену, которую они от нас скрывают, мы бы наверняка удостоверились, что его притязания повержены, а аргументы обращены в прах. *Par la litania de los santos!*²¹ Иметь дерзость сравнивать неизвестного ученика жалкой коллегии Святого Андрея с самыми учеными докторами величайшего университета, разумеется за исключением университетов Валенсии и Саламанки! Нужно все бесстыдство твоих земляков, чтобы не сгореть со стыда при подобной мысли.

– Коллегия, к которой вы относитесь с презрением, – гордо отвечал шотландец, – служила училищем королям нашей Шотландии. Да, это так! И молодой Иаков Стюарт²² получил образование под одной крышей, под руководством тех же мудрых наставников и в то же время, как и наш благородный Кричтон, которого вы несправедливо назвали искателем приключений. Ученость его столь же знаменита, как и его происхождение. Ему предшествовала его слава, и

²¹ Клянусь мессой всех святых! (*исп.*)

²² Иаков I (1566–1625) – сын Марии Стюарт, король Англии с 1603 г. Был нелюбим народом за свой деспотизм и враждебное отношение к парламенту.

он уже был известен вашим ученым, когда выставил свою программу в стенах этой коллегии. Слушайте! – продолжал он. – И вы убедитесь в его торжестве.

В то время как он обращался с этими словами к своим товарищам, громкие и продолжительные аплодисменты раздавались внутри здания, покрывая шум, производимый студентами.

– Может быть, рукоплескания эти означают его поражение, – проворчал сквозь зубы испанец.

– Нисколько, – возразил шотландец. – Я слышу, как сквозь них раздается имя Кричтона.

– Черт побери! Да кто же этот феникс, этот Гаргантюа ума, предназначенный для нашего поголовного поражения подобно тому, как Панург²³ поразил Фому-англичанина? – спросил испанец. – Кто же этот человек, превосходящий философией самого Пифагора? А?

– Любознательностью – господина Карниадсе!

– Непостоянством – Аверрасса!

– Мистицизмом – Плотина!

– Ясновидением – Артемидоуса.

– Непогрешимостью – самого Папу!

– И который имеет притязания рассуждать о всевозможных ученых вещах! – закричали разом несколько голосов.

– И из всего этого выйдет глупая шутка, – добавили другие с громким смехом.

– Вы оглушили меня своим ревом, – перебил шотландец. – Вы спрашиваете меня, кто такой Кричтон, и сами себе отвечаете. Вы сказали, что он редкая птица, чудо ума и учености, и вы не солгали. Он именно таков. Но я скажу вам то, чего вы совсем не знаете или о чем специально умалчиваете. Он принадлежит к высшему дворянству Шотландии. Подобно высшим испанским грандам, сеньор Идальго, он имеет право стоять с покрытой головой в присутствии короля; как со стороны отца, так и со стороны матери в его жилах течет благороднейшая кровь: его мать была из фамилии Стюартов и происходила по прямой линии от королей, а отец его, которому принадлежат великолепные владения Элиок и Клюни, был сеньором адвокатом нашей доброй королевы Марии²⁴ (да отпустит ей Небо ее прегрешения и примет ее под свою защиту), он еще и теперь занимает эту высокую должность. Я думаю, что здесь должны были слышать о Кричтонах. Как бы то ни было, они хорошо мне известны, так как я, Огильви де Бальфур, часто слышал о некоем контракте или обязательстве, в силу которого...

– Довольно! – прервал испанец. – Не занимай нас собственными делами, приятель! Говори нам о Кричтоне.

– Я уже сказал вам больше, чем хотел, – возразил с негодованием Огильви. – Если вы желаете иметь более подробные сведения о благоволении, которое ему оказывают в Лувре, о его военных подвигах, о расположении, которым он пользуется у всех фрейлин нашей королевы-матери, Екатерины Медичи, и особенно, – прибавил он с насмешливым выражением, – у ее прелестной дочери Маргариты Валуа²⁵, вам лучше обратиться к шуту короля, мэтру Шико²⁶, которого я вижу недалеко от нас. Я думаю, что не найдется другого, кто бы в такое короткое время получил столько милостей и приобрел такую блистательную репутацию.

²³ *Панург* – герой романа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».

²⁴ *Мария* Стюарт (1542–1587) – французская королева (жена Франциска II в 1559–1560), шотландская королева с 1561 г., претендовала также на английский престол. Была лишена трона в результате восстания знати; бежала в Англию, где подверглась заключению, правда в довольно мягкой форме. За участие в ряде неудачных заговоров была казнена.

²⁵ *Маргарита Валуа* (1553–1615) – королева Наваррская и Французская, жена Генриха IV.

²⁶ *Шико* Антуан д'Англерец (?–1592) – французский дворянин, гасконец, придворный шут королей Генриха III и Генриха IV. Ему было позволено вести себя при дворе как ему вздумается и говорить все что угодно своим государям. Прославился как отважный солдат и отчаянный дуэлянт. Активный участник Варфоломеевской ночи на стороне католиков.

– Гм! – проворчал англичанин. – Вы, шотландцы, повсюду стоите друг за друга. Этот Кричтон и может и не может быть таким славным героем, но я осмелюсь не верить похвалам, расточаемым ему этим шотландцем, пока не удостоверюсь лично в их справедливости.

– Совершенно верно, что он заслужил известность ловкого фехтовальщика, – сказал бернардинец, – надо отдать ему справедливость.

– Он еще не встретил себе равного в фехтовальном зале, хотя и скрещивал свою шпагу с первыми бойцами Франции, – отвечал Огильви.

– Я его видел в манеже, – сказал студент из Сорбонны, – когда он упражнялся в верховой езде, и, будучи сам ловким наездником, я нахожу его превосходным ездоком.

– Нет никого среди вашей молодежи, кто сравнился бы с ним в верховой езде, – заговорил Огильви, – нет ни одного бойца, который бы с такой ловкостью снимал кольцо на бегу. Я был бы очень рад молчать, но вы принуждаете меня расхваливать его.

– Матерь Божья! – закричал испанец, вынимая до половины из ножен шпагу, висевшую у него сбоку. – Держу пари на десять нобленов против такого же числа серебряных испанских реалов, что с этим коротким толедским клинком я одолею вашего хваленного Кричтона в поединке на всяком оружии по его выбору: на шпаге и кинжале или на одной шпаге, раздетый до пояса или в полном вооружении. Клянусь Святой Троицей, он ответит мне за оскорбление, нанесенное им ученой коллегии, к которой я принадлежу. Мне будет очень приятно подрезать крылья этому гордому и крикливому пастуху или первому встречному из его жалкой шайки, – прибавил он с жестом презрения по направлению шотландца.

– Если это все, чего вы добиваетесь, то вам не надо ходить далеко, – возразил Огильви. – Дождитесь только конца этого диспута, и да лишит меня святой Андрей²⁷ своего покровительства, если я не переломаю ваш клинок моей широкой и крепкой шотландской шпагой и не докажу, что вы столько же подлы сердцем, как хвастливы и сварливы на язык.

– Черт возьми! – воскликнул испанец. – Твой шотландский святой не поможет тебе, так как ты навлек на себя мое негодование. Ступай читать свои молитвы. Если пожелаешь, через час ты будешь добычей коршунов Пре-о-Клер!

– Поберегись сам, наглый хвастун, – отвечал с презрением Огильви. – Уверю тебя, что потребуются защита посильнее твоей, чтобы спасти твою жизнь.

– Смелей, господин шотландец, – вмешался англичанин. – Ты прекрасно сделаешь, обрубив уши этому испанскому нахалу. Бьюсь об заклад, под его курткой бьется трусливое сердце, и ты прав, заставляя его выслушивать эти оскорбления. Кто бы ни был этот Кричтон, все же он твой соотечественник, а отчасти и мой.

– И как за своего соотечественника, я буду стоять за него против всех и каждого.

– Bravo, мой храбрый дон Диго Каравайя! – сказал студент Сорбонны, хлопая по плечу испанца и шепча ему на ухо: – Неужели все будут уступать этим негодным шотландцам? Ручаюсь, что нет. Мы будем действовать сообща против всей этой нищенской нации, а покуда эту частную ссору поручаем тебе. Постарайся справиться с ней, как должно одному из потомков Сида²⁸.

– Смотри на него, как на мертвого, – отвечал испанец.

– Клянусь Пелажем, жаль, что тот, другой, не стоит у него за спиной, чтобы одним ударом проколоть обоих!

– Возвратимся к предмету вашей ссоры, – возразил студент Сорбонны.

Довольный предстоящим поединком, он старался предупредить всякую возможность к примирению, пока еще можно было подливать масло в огонь.

²⁷ *Святой Андрей* – апостол, один из учеников Иоанна Крестителя, покровитель Шотландии.

²⁸ *Сид* (наст. имя Родриго Диас де Бивар; ок. 1043–1099) – испанский рыцарь, активный участник войн с маврами, герой испанской народной поэзии. Ему посвящены знаменитая «Песнь о Сиде» и множество романсов (сохранилось более 200).

– Возвратимся к вашей ссоре, – повторил он громким голосом, глядя на Огильви. – Надо согласиться, что как гуляка этот Кричтон не имеет себе равных. Никто из нас не подумает состязаться с ним в деле кутежа, хотя многие могут похвастаться, что умеют выпить. Брат Жан со жрицей Бахуса в придачу был жалкий пьянчужка по сравнению с ним.

– Он поклоняется не жрице Бахуса, а другим богиням, если не ошибаюсь, – добавил студент Монтегю, поняв, куда метит его товарищ.

– Потому-то мы и дали такой ответ на его вызов, – отвечал студент Сорбонны. – Вероятно, вы помните, что под его дерзким вызовом нашему ученому сословию, который он выставил в стенах университета, было написано, что тот, кто хочет видеть это чудо учености, может искать его или в кабаке, или в веселых домах. Так ли это, идальго?

– Я сам видел его в кабаке «Сокол» и в веселых домах. Вы меня понимаете?

– Ха-ха-ха, – засмеялись студенты. – Видно, твой Кричтон далеко не стоик, а последователь Эпикура²⁹, этот господин шотландец, ха-ха-ха!

– Поговаривают, что он знаком с дьяволом, – заметил с таинственным видом студент из Гаркура, – и что подобно Жанне д'Арк он продал за временные блага свою душу. Оттого-то он так изумительно учен, так необыкновенно красив и ловок, так обольстителен с женщинами, так постоянно счастлив в игре в кости. Потому же он и неуязвим в битвах.

– Поговаривают, что он не имеет приближенного духа, который везде за ним следует под видом черной собаки, – добавил студент Монтегю.

– Или под видом карлика, как черный бесенок Козимо Руджиери, – сказал студент из Гаркура. – Правда это? – спросил он, обращаясь к шотландцу.

– Кто это говорит, тот наглый лжец! – воскликнул вспыльчивый Огильви. – Я вызываю вас всех вместе и каждого порознь, и ни один собрат из коллегии, к которой я принадлежу, не откажется поддержать мои слова.

Громкий насмешливый хохот раздался в ответ на выходку Огильви. Пристыженный тем, что своей бесполезной и глупой вспыльчивостью навлек на себя справедливые насмешки, он замолчал и старался не обращать внимания на поддразнивания.

²⁹ Эпикур (341–270 гг. до н. э.) – древнегреческий философ-материалист. Согласно его философии, познание природы освобождает от страха смерти, суеверий и религии вообще.

Джелозо

Бросая гневные взгляды на своих мучителей, Огильви нечаянно встретился с черными огненными глазами молодого человека, стоявшего в некотором от него отдалении, но слышавшего их спор. Казалось, он живо интересовался предметом ссоры и, видимо, глубоко сочувствовал Огильви. В его лице было что-то такое, что сразу привлекло внимание Огильви, несмотря на возбуждение, в котором он находился. Некоторое время он не мог отвести глаз от этого юноши, а когда перестал смотреть, то только для того, чтобы подумать о его необыкновенной красоте.

И действительно, этот юноша заслуживал внимания. Черты его лица своей нежностью и совершенством представляли резкий контраст с грубыми и пошлыми физиономиями, окружавшими его. При безукоризненной правильности лица он напоминал Гебу³⁰ своим изящно очерченным подбородком, точно так же как и своими не покрытыми еще пушком возмужалости устами, выражавшими любезную приветливость и пылкую страстность. Но теперь уста эти были сжаты, а гордые и тонкие ноздри расширились от гнева.

По наружности этому юноше можно было дать не более шестнадцати лет, а гибкость его тонких, почти женственных, хотя и вполне соразмерных рук доказывала его раннюю молодость; лишь огненные глаза, светившиеся умом, выражали решимость и отчаянное не по годам мужество. Пряди волос, черных как смоль, оттеняли его лицо, оливковый цвет которого выдавал в нем уроженца юга. Одежда его, не имевшая, впрочем, в себе ничего необыкновенного, не походила ни на костюм студента университета, ни на костюмы, бывшие в употреблении у добрых граждан Парижа. Маленькая шапочка из черного генуэзского бархата была надета набок, плащ из той же материи, но более широкого покроя, чем это было модно, застегивался золотой цепочкой и был драпирован с намерением по возможности скрыть стройность стана и придать больше мужественности узким плечам.

– Я возбудил ваше любопытство, молодой человек, – сказал Огильви, видя, что тот не сводит с него глаз, и делая несколько шагов, чтобы приблизиться к нему. – Могу ли вас спросить, к какой академии вы принадлежите?

– Я не принадлежу ни к одной из ваших школ, – отвечал юноша, отодвигаясь при приближении шотландца. – Я иностранец, привлеченный желанием узнать исход диспута, которым интересуется весь Париж, затесавшийся необдуманно в толпу, из которой я охотно бы вышел, если бы только была возможность, и вынужденный теперь ожидать конца, который, как я надеюсь, – добавил он нерешительно и слегка краснея, – будет торжеством вашего несравненного соотечественника. Признаюсь, я не менее вас надеюсь на его успех.

В голосе незнакомца слышалась гармония, чудно отзывавшаяся в сердце Огильви.

«Я бы поклялся спасением своей души, – подумал он, – если бы эти слова не были произнесены этим мальчиком, что я слышу голос моей миленькой, говорящей со мной Марион, как она обыкновенно делала это в те летние, давно минувшие ночи и в стране, очень далекой отсюда; и если бы эти глаза не были так велики и так черны, я бы поклялся, что это ее взгляд. Клянусь святым Андреем, сходство удивительное! Мне хотелось бы узнать, не земляк ли он мне и ради чего он так горячо высказывается за Кричтона».

– Эй, молодой человек, – продолжал он вслух, – не шотландец ли вы, паче чаяния?

В ответ на этот вопрос юноша с трудом скрыл улыбку, но отрицательно покачал головой. Улыбка, приоткрывшая его губы, продемонстрировала ряд блестящих как жемчуг зубов.

«Рот совершенно такой же, как у Марион», – подумал Огильви.

³⁰ Геба – богиня цветущей юности, дочь Зевса и Геры; стала женой обожествленного Геракла.

– Из Шотландии! – вскричал рядом с ним студент Сорбонны. – Разве может быть что-то хорошее в этой проклятой стране? Я очень хорошо знаю этого молодого человека из Венеции, это один из джелозо, член Итальянской труппы, которая получила разрешение от короля на представление своих комедий в Бурбонском отеле. Мне показались знакомыми лицо и манеры, голос же совершенно убедил меня. Он поет арии в комедиях и, честное слово, очень недурно. Дамы от него без ума. А! Мне пришла идея: у нас еще есть впереди пара минут, отчего бы не скоротать их, слушая песенку! Что вы на это скажете, приятель? Неужели мы упустим этот случай? Песню! Песню!

– Bravo! Bravo! – завопили студенты, хлопая в ладоши. – Ничего не может быть лучше! Песню! Мы требуем песню!

Все мигом окружили молодого венецианца. Между тем Огильви, столько же возмущенный оборотом этого дела, как и обидой, которая, по его мнению, была нанесена иностранцу, так как относительно благопристойности театральных представлений он разделял предрассудки своего отечества и к профессии актера питал презрение, доходившее почти до отвращения, обратился к молодому человеку.

– Неужели это не клевета! – вскричал он. – Скажи, что он лжет, скажи, что ты не актер, не наемный шут, и, клянусь памятью праведного Джона Кокса, он получит пощечину за свою гнусную ложь!

– Молчать! – закричал студент из Монтегю. Долой дерзкого шотландца, если он вздумает еще прерывать нас!

– Дайте ему ответить, и я замолчу, – решительно возразил Огильви. – Еще раз, иностранец, ошибся я на твой счет?

– Вы ошибаетесь, если принимаете меня за кого-либо другого, – отвечал молодой человек, подняв голову. Я из Венеции, я один из джелозо.

– Вы слышали? – воскликнул студент из Сорбонны. – Он не отпирается. Теперь, не откладывая более, спой нам песню.

– Я не отрекаюсь от моего звания, – возразил венецианец, – но я не буду петь по вашему приказанию.

– Ну, мы это еще увидим, – отвечал студент из Сорбонны. – На наших дворах есть насосы, вода которых обладает свойством вдохновлять, подобно водам Геликона³¹. Она одарена чудесной силой.

– Черт возьми! Стащим туда нашего упряма! – закричал Каравайя. – Клянусь вам, к нему возвратится голос, если он не захочет получить простуду под холодным фонтаном.

Говоря это, он грубо опустил руку на плечо молодого венецианца. Последний поспешно отступил, быстрее мысли выхватил он из-под плаща стилет и приставил его к горлу Каравайя. Его черные глаза метали молнии.

– Убери свою руку! – воскликнул он. – Не то, клянусь святым Марком, я убью тебя!

При виде гнева венецианца Каравайя нашел более благоразумным отступить, что он и сделал с жестом, выражавшим сожаление, и с обыкновенным своим хвастливым восклицанием.

– Брависсимо! – громко раздалось между студентами. – Великолепная сцена, она произвела бы большой эффект в Бурбонском театре.

– Клянусь Богом, – засмеялся от души англичанин. – На долю испанца выпала плохая роль!

– Прошу вас, сеньоры, – сказал им не обращавший внимания на их насмешки джелозо, снимая шляпу, которая скрывала его густые, черные кудри, – пропустите меня без дальнейших

³¹ *Геликон* – лесистая гора в Беотии, посвященная Аполлону и музам. Здесь находились источники, обладавшие, по мнению греков, свойствами возбуждать поэтический дар.

неприятностей. Я не могу исполнить ваше желание и не понимаю, какое право имеете вы требовать от меня песни. Хотя я и актер, но у меня есть друзья, и если...

– Смотрите-ка, он нам угрожает! – закричал студент из Сорбонны. – Но мы не так легко отказываемся от наших желаний. Спойте нам песню, сеньор джелозо, а потом, если пожелаете, можете катиться на все четыре стороны!

– Никогда! – отвечал венецианец. – И советую вам не доводить меня до крайности.

– Если никто не хочет заступиться за этого молодого человека, – сказал тогда англичанин, – то я заступлюсь. Я не интересуюсь, кто он, джелозо или диаболозо. Если все против него, то я за него. Сильные всегда были на стороне слабых. Ну! Господин шотландец, эта ссора отчасти и тебя касается. Вынимай шпагу, приятель, и защити этого бедного юношу, а то у него такой вид, будто он никогда не видал шпажного удара.

Раздавшийся звон серебряных бубенчиков очень кстати прервал эту ссору. Удивительный человек маленького роста, производивший эти звуки, старался пробраться в толпу. На нем был необыкновенный костюм, сшитый из тканей разных цветов: белого, красного и голубого, причем такого странного фасона и до того испещренный горизонтальными и вертикальными полосами, что производил самое фантастическое впечатление. Его жакет преуморительно оттопыривался на боках, обнаруживая худобу его коротких, очень некрасивых ног, одетых в чулки амарантового цвета. На плечи был накинут кафтан с огромными рукавами. На спине этого кафтана и на рукавах был вышит золотой государственный герб. Вокруг шеи была надета цепь из медальонов с резными девизами, посвященными глупости. Это был подарок его милейшего Анрио, как он по-братски называл своего царственного друга, а его высокая коническая шляпа, заменившая древний рыцарский шлем, имела три острых угла, наподобие треуголки, которую носила вся дворцовая прислуга. В руках держал он знак своей должности – погремушку, толстую ореховую палку, украшенную серебряной головой дурака отличной чеканки. Огромный карман, наполненный конфетами, которые он чрезмерно любил, висел у пояса вместе с большой деревянной шпагой.

Этим странным существом был Шико, шут короля.

– С вашего позволения, господа! – кричал он, проталкиваясь вперед и нанося удары своей погремушкой тем, кто загораживал ему дорогу. – Зачем вы меня останавливаете? Безумие было всегда в ходу в Парижском университете. Тем более что здесь требуется вся моя мудрость! Они собирались купать человека в холодной воде, чтобы тот заговорил! Этот поступок достоин величайшего шута Франции. Я бы лишился своего звания, если бы не присутствовал при этом. Говорю вам, будьте внимательны! Дайте место аббату глупцов, хотя он и не восседает на осле, как в праздник убиения младенцев.

И, остановившись прямо против джелозо, которому отдал самый дружеский поклон, Шико вытащил свою деревянную шпагу и с ужимками и гримасами принялся потрясать ею перед студентами.

– Этот молодой человек, мой молочный брат, – начал он, – полностью прав, отказывая вам. – Раздался громкий смех. – Он приглашен на сегодняшний вечерний спектакль и раньше этого не должен выставлять себя напоказ. Наш брат Генрих не желает, чтобы он расточал свои услуги. Если вам требуется музыка, пойдите к дверям Лувра; оркестр швейцарской гвардии славится быстротой и живостью такта.

– Не раздражайте их, мой добрый сеньор, – прошептал джелозо. – Лучше я соглашусь исполнить их желание, как оно ни безрассудно, чем подвергать своим отказом чужую жизнь опасности. Сеньоры, – продолжал он, обращаясь к докучавшим ему студентам, – я исполню ваше желание, но с условием, что смогу тотчас же удалиться по окончании песни.

– Принимаем! – закричали студенты, махая шляпами.

В одну минуту шум утих. Плотный круг образовался около венецианца, когда он запел самым мелодичным голосом, хотя и с оттенком насмешки, мадригал в честь Кричтона, прекрасного шотландца.

– Довольно! – воскликнул студент Сорбонны по окончании второго куплета. – Мы хотим слушать другую песню, спой нам твою любимую арию Маделены или песенку Флоринды, а иначе, любезный, ты не тронешься с места.

– Ба! – сказал Шико. – Вы плохие ценители. Песня прелестна, и я подаю голос за повторение. Вам были бы более по вкусу шутовские куплеты труппы отеля Клюни на улице Матюрен. Как нравится вам церковная песня в их последней шутовской пьесе «Веселый фарс глупых софистов»?

– Черт возьми! Это что еще за насмешки! – закричал один из студентов с огромным бумажным воротником. – Неужели вы позволите сбить себя с толку этой сороке, ускользнувшей из своей клетки и прилетевшей сюда, чтобы вдоволь наболтаться?

– Хорошо еще, – возразил Шико, – что я не нарядился в павлиньи перья: как ни распускай хвост, а ворона всегда видна. Сколько ни подражай осел реву льва, он все же останется ослом. Хотя я и шут, но не подобие шута; я обезьяна, а не тень обезьяны. Мне передавали ваш клич «По шее узнается теленок!», ну, так если бы вздумали оценивать вас по этому правилу, то между вами не нашлось бы ни одного, годного на убой.

– Тысяча чертей! – заревел взбешенный студент. – Хотя бы вы пользовались в десять раз большей милостью в вашем качестве шута, вы все равно раскаялись бы в этой дерзости. – Говоря это, он замахнулся на Шико.

– Назад! – воскликнул Блунт, отбивая своей палкой удар, предназначенный шуту. – Окровавленная голова не идет к этому веселому костюму. Прибереги свои удары для другого, более способного возратить их тебе. Разве ты не видишь, что у него деревянная шпага?

– Так пусть он придерживает свой язык, – с гневом продолжал студент.

– Ха-ха-ха! – кричал Шико, смеясь во все горло. – Не останавливайте его. Я хочу биться с ним не на жизнь, а на смерть. Ставлю мою погремушку против его жабо, что убью его с первого удара.

– Между тем мы потеряли из виду нашего певца, – сказал студент Сорбонны. – Куда он девался?

– Мне кажется, что он скрылся, – воскликнул Каравайя, – я его нигде не вижу!

«Я не заметил, как он ушел, – подумал Огильви, – но он хорошо сделал. Я не мог бы отказать в помощи этому молодому человеку, а между тем возмутительна сама мысль – быть замешанным в ссору комедианта, а в особенности итальянского. Странно только, что его лицо у меня постоянно перед глазами, но я не хочу больше думать об этом».

Тем не менее, против желания, Огильви не мог отвести глаз от задних рядов студентов, отыскивая среди них беглеца. Но он напрасно искал. Во время смятения, вызванного словами Шико, и, вероятно, с его помощью или при содействии англичанина венецианец успел незаметно скрыться.

– Не спрятал ли его мэтр Шико в свой карман, он достаточно велик для этого! – воскликнул студент Сорбонны.

– Или в рукава кафтана, – продолжал бернардинец.

– Или не проглотил ли он его, как Гаргантюа странника, – добавил со смехом Каравайя.

– Или как ты проглотил бы стакан хересу, если бы тебе его предложили, а при случае и свои собственные слова, сеньор кабальеро! – засмеялся шут.

– Сеньор дьявол! – заревел Каравайя, вынимая шпагу, – я раскрошу тебя на столько же кусков, сколько их в твоём кафтане!

– На столько частей, сколько зазубрин на твоей шпаге, самым тобой сделанных, – возразил Шико со злой гримасой, – или богохульств на твоём языке твоего собственного изобре-

ния, или украденных монет в твоём кошельке, или рубцов на спине, ха-ха-ха! Разруби меня на столько кусков, и все же их не наберется столько, сколько за тобой бесчисленных грешков.

– Черт побери! Пустите меня, я проучу этого дерзкого нахала! – ревел Каравайя, взбешенный как бык, раздражаемый матадором, потрясая шпагой, топая ногами и с трудом удерживаемый студентами.

Но ничто не могло унять безумной веселости шута, со смехом наблюдавшего за безуспешными усилиями испанца добраться до него. Не выказывая ни малейшего страха, он оставался на месте так же беззаботно, словно ему не угрожала никакая опасность. Он даже продолжал едко насмеяться и, вероятно, был бы наказан за свое нахальство, если бы новое происшествие не дало делу более благоприятного для него оборота и не привлекло всеобщего внимания.

Двери Наваррской коллегии вдруг отворились, и продолжительный взрыв аплодисментов внутри возвестил об окончании диспута. Не оставалось более никакого сомнения, что исход был благоприятен Кричтону, имя которого примешивалось к рукоплесканиям, раздававшимся повсюду. Возбужденная в высшей степени, толпа пришла в движение. Огильви не мог долее воздерживаться. Пробиваясь вперед с невероятными усилиями, он добился места у самого входа. Первый, кто бросился ему в глаза, был человек высокого роста в блестящей стальной кирасе, опоясанный шелковым шарфом, на боку которого висела длинная шпага с великолепным эфесом. На плече он держал копьё около шести футов длины.

– Кричтон стал победителем? – спросил Огильви капитана гвардии, так как это был именно он.

– Он возбудил всеобщее удивление, – отвечал капитан, который, против обыкновения подобных особ, не был возмущен этим воззванием к его любезности, – и ректор воздал ему все почести, которыми располагает университет.

– Ура старой Шотландии! – воскликнул Огильви, бросая вверх свою шапку. – Я был в этом уверен. Этот день останется навсегда памятным для меня.

– По крайней мере, у тебя будет причина не забывать его, – проворчал Каравайя, который, стоя напротив Огильви, слышал его восклицание. – А может быть, и у него тоже, – добавил он, нахмурившись и закутываясь в плащ.

– Если благородный Кричтон – ваш соотечественник, то вы имеете полное право гордиться им, – продолжал капитан Ларшан. – Память его сегодняшних достижений не умрет, пока ученость будет уважаться. Никогда прежде не видали в этой коллегии таких изумительных, всеобъемлющих познаний. Клянусь Богом, я просто ошеломлен, да и не я один, а все присутствующие. Достаточно сказать вам, что профессора в ознаменование его беспрецедентной учености и его необыкновенных внешних преимуществ в адресе, поднесенном ему по окончании диспута, почтили его эпитетом *Несравненный*. Он несомненно заслуживает, чтобы это прозвище осталось за ним и впоследствии.

– Несравненный Кричтон! – повторил Огильви. Слышите ли вы? Титул, пожалованный ему всем конклавом университета! Ура! Несравненный Кричтон! Это имя найдет отклик в сердце каждого истинного шотландца. Клянусь святым Андреем! Вот истинно прекрасный день!

– И все-таки, – перебил Ларшан, улыбаясь восторженности Огильви и описывая круг острием своего копья, – я вынужден вас отодвинуть, господа студенты, чтобы освободить проход ректору и его свите. Эй, стрелки, очистите дорогу! Позовите отряд барона д'Эпернона и виконта Жуайеза, а также солдат его превосходительства сеньора Рене де Виллекье. Имейте терпение, господа, вы скоро узнаете все подробности.

Сказав это, он удалился, а солдаты, менее снисходительные, чем их начальник, сумели быстро отодвинуть толпу.

Ректор

По мере того как стрелки продвигались вперед, выставляя по солдату через каждые десять шагов, студенты, подаваясь назад, образовывали две плотные стены.

Глубокая тишина воцарилась в рядах зрителей. Все взоры устремились на сводчатый вход академии, не было слышно ни одного слова. Все казались такими же неподвижными, как статуи Филиппа Красивого³² и его супруги Жанны Наваррской (основательницы этого заведения), стоявшие немymi свидетелями этой сцены в своих нишах у главного входа. В это время из главной двери выходила столь густая толпа важных сановников в мантиях, что все пространство между двумя линиями студентов было тотчас же наполнено движущейся массой мантий и колпаков.

Во главе процессии, потрясая голубым жезлом, в изобилии усыпанным золотыми лилиями, – то ставя его на землю, то высоко вздымая над головой, – шел герольд, с поступью и улыбкой достойными Мальволио³³; на его плаще виднелся герб университета: рука, нисходящая с неба и держащая книгу, окруженная тремя золотыми лилиями на голубом поле.

Герольд прошел, поглядывая на студентов с презрительной улыбкой.

За ним следовали представители всех факультетов, которые, вследствие какой-то случайности, до того перемешались между собой, что невозможно было установить порядок шествия по старшинству.

Все по возможности спешили вперед. Медики наступали на богословов и на художников, между тем как доктора прав старались, причем довольно неучтиво, опередить всех прочих. Это были здоровые молодцы, сгибавшиеся под тяжестью своих серебряных палиц и одетые в мантии – черные, голубые, фиолетовые или темно-красные, каждый цвет означал факультет, к которому принадлежал носивший ее.

За ними следовали, еще в большем беспорядке, высшие сановники факультетов, напрасно старавшиеся соединиться и составить что-нибудь похожее на кортеж. Ежеминутно нарушался коллегияльный этикет. Здесь рядом с прокурором Четырех Наций в красной судейской мантии стоял доктор богословия в своей черной одежде, опушенной горностаем, проклинавшая мысленно это сближение и не скрывая своего неудовольствия по данному поводу. Там доктор медицины в алой мантии со светло-серым шитьем получал толчки от более поворотливого лиценциата, одетого в черное платье, окаймленное белым мехом. Ни одна степень не была уважена. Докторов прав канонических и докторов прав гражданских, которые при выходе находились вместе и одежда которых состояла из алой мантии и меховой шапочки, очень неучтиво затолкали, когда они захотели удержаться на своих местах при натиске молодых бакалавров медицины.

Несмотря на это смешение костюмов, которые присутствовали в таком изобилии и так были сжаты, что представляли собой нечто похожее на цвета радуги в лучах заходящего солнца, несмотря на полное отсутствие порядка, которое строго осуждалось старшинами и стоило им большого терпения, несмотря на страшную давку, все доктора, профессора, бакалавры и лиценциаты единогласно признавали, что диспут, на котором они присутствовали, был проведен с искусством, невиданным со времен Абельяра³⁴ и Беранже, и что одержавший над ними победу Кричтон победил целый мир познаний и учености.

³² *Филипп IV Красивый* (1268–1314) – французский король с 1285 г.

³³ *Мальволио* – персонаж комедии Шекспира «Двенадцатая ночь»; пуританин с постной физиономией, безупречный камергер, держится все время в стороне, демонстрируя презрение к простым людям.

³⁴ *Абельяр Пьер* (1079–1142) – французский философ, богослов и поэт. Рационалистическая направленность религиозных идей Абельяра вызвала протест церковных кругов. Его учение было осуждено соборами 1121 и 1140 гг.

Вдруг раздался и пронесся до подошвы горы Святой Женеьевы пронзительный звук рога. На этот призыв немедленно ответил гул спешившей группы всадников. Постепенно гул этот становился все слышнее, и не прошло нескольких секунд, как два отряда королевской гвардии – каждый в пятьдесят стрелков – в полной форме и на великолепных лошадях подъехали к площади и остановились позади студентов. Кроме этих солдат можно было видеть еще и многочисленную свиту Рене де Виллекье, состоявшую не только из его собственных лакеев и слуг в роскошной ливрее из голубого и красного сукна, но частью и из стрелков королевской стражи под предводительством их начальника. Они окружали огромную парадную карету, запряженную фландрскими лошадьми в богатой сбруе. Зрелище было великолепное, и студенты, хотя и не совсем довольные присутствием такого множества посторонних и, может быть, немного обеспокоенные их многочисленностью, не выказали ни малейших признаков неудовольствия. Вдруг ход процессии был прерван. Шедшие впереди остановились, и все общество, повернувшись лицом к коллегии, образовало три полукруга. Профессора находились впереди и составляли самый малый и близкий к коллегии полукруг, верховые стрелки – самый большой и отдаленный, студенты – средний и самый стесненный. Но перед входом было оставлено небольшое пустое пространство.

В эту минуту в рядах студентов пронесся шепот. Слова «идет, идет!» передавались от одного к другому с быстротой молнии. Четыре жезлоносца, выступая рядом, прошли с таким важным видом в главную дверь коллегии, как будто они-то и были предметом всеобщего внимания, и стали по двое с каждой стороны. Проход стал совершенно свободным. Появился ректор. Это был человек почтенной наружности и величественного вида; ему очень шел его великолепный костюм – широкая алая мантия и плащ из белого горноста, который он носил как руководитель университета. Широкий шелковый пояс небесно-голубого цвета был повязан под мантией и поддерживал роскошный карман из зеленого бархата, обшитый кружевом и украшенный золотыми пуговицами. На голове была надета четырехугольная шапка доктора богословия.

Рядом с ним, по правую сторону, шел человек, на которого все смотрели с восхищением и любопытством. Ректор и его спутник, выйдя из дверей, остановились; в эту минуту продолжительные и громкие восклицания раздались в рядах студентов, как бы воодушевленных внезапным непреодолимым восторгом. Более важные члены университета тоже не оставались безмолвными, даже доктора богословия поддерживали эти крики, даже стрелки, поднявшись на стременах, снимали свои каски и, махая ими, вопили изо всех сил.

Кричтон – читатель, без сомнения, угадал, кем была эта «полярная звезда», привлекавшая все взоры, – обладал такой поразительной наружностью и такими обольстительными манерами, что одно его появление неотразимо действовало на присутствующих. Юность всегда привлекательна, и молодой человек, так богато одаренный природой, как Кричтон, должен был производить необыкновенное впечатление. При виде его общее настроение совершенно изменилось. Энтузиазм, доходивший почти до обожания, заменил прежнюю враждебность, и все недоброжелательные чувства, порожденные уязвленной гордостью и прочими жалкими побуждениями, изгладились и были забыты.

Но в осанке победителя не было заметно никакого признака гордости. Он не мог оставаться нечувствительным к воздаваемым ему почестям, но был чужд тщеславия или, вернее, по скромности, всегда присущей истинному величию, не знал себе настоящей цены. Лицо его было покрыто слабым румянцем, и на губах играла радостная улыбка, когда он отвечал поклонниками на приветствия стоявшей перед ним толпы. Его черты и осанка не выказывали ни малейшего признака усталости или возбуждения. Ни морщинки на лбу, походка легкая, и каждому было приятно, если на нем останавливался блуждавший по толпе взгляд Кричтона. Лицо его

могло служить образцом для резца Фидия³⁵ – так хорошо соответствовал возвышенный и благородный характер его красоты идеалу, созданному великим афинским художником.

Подобно древним изображениям дельфийского оракула, в классически прекрасном лице его соединялась величайшая тонкость с полнейшей пропорциональностью, каждая черта дышала вдохновением: губы, твердые и полные, отражавшие чувственность и непреклонную решимость, подбородок, смело очерченный, греческий нос, ноздри, гордые и тонкие, как у дикого коня пустыни, лоб, широкий и возвышенный, оттененный светло-каштановыми волосами, завитыми в античные кольца. Лицо дышало здоровьем и свежестью, тем более изумительными, что скорей можно было ожидать на нем бледность и утомление, присущие каждому студенту, изнуренному занятиями, чем свежие краски юности. Согласно моде того времени, тонкие усы оттеняли его верхнюю губу, а короткая острая бородка покрывала подбородок и придавала лицу серьезное и мужественное выражение.

Один только недостаток, если можно так выразиться, был в лице Кричтона. Вокруг его правого глаза виднелось легкое розовое пятно. Об этом недостатке не стоило бы и говорить, тем более что пятнышко это несколько не вредило красоте и выразительности лица и могло быть замечено только при самом внимательном наблюдении, если бы этого не требовалось для полноты портрета, предлагаемого нами читателю.

Костюм Кричтона, более подходивший к его рыцарским, нежели схоластическим наклонностям, был шит по последней моде и так рассчитан, чтобы вполне продемонстрировать преимущество статного и красивого сложения, которым наделила его природа, столь же к нему щедрая, как наука и искусство. Куртка из белого дама³⁶ с перекрестными черными полосами из той же материи в виде решетки, застегнутая от горла до пояса, плотно обтягивая его стан, подчеркивала грудь Антония и гибкую талию, между тем как атласные панталоны того же цвета, что и куртка, обрисовывали совершенство нижней части тела. Испанский одноцветный плащ необыкновенного фасона, обшитый золотым позументом, свешиваясь с плеча, доходил до локтя. На богато украшенном поясе висели шпага и кинжал. Изящные сапоги из буйволовой кожи с очень острыми носками, по моде того времени, обтягивали сильные ноги. Черная поярковая шляпа конической формы с широкими полями была украшена бриллиантовым аграфом и зеленым пером.

Некоторым подобникам высокой моды показались бы чрезмерными тройная складка его жабо и ширина рукавов, но в то время это не привлекало внимания или же было простительно. Надо признать, что в придворном костюме Генриха III (который, не будучи способным монархом, был бесспорно одарен большим вкусом в нарядах), помимо его натянутости и нелепости, было много живописного и величавого, что вполне искупало его странности. Впрочем, впечатление, производимое Кричтоном, несколько не зависело от его костюма. В ту минуту, когда он остановился под дверной аркадой, ректор положил ему на плечо руку с явным намерением удержать его. Может быть, он желал доставить возможность младшим членам университета, не допущенным на диспут, разглядеть замечательную личность того, чье имя будет долго жить в летописях коллегии, или, может быть, он имел в виду что-либо другое. Как бы то ни было, эта остановка была очень приятна студентам, которые возобновили рукоплескания.

– Клянусь Святым Крестом! – воскликнул студент Сорбонны. – Я очень доволен, что они остановились. Мы были несправедливы в наших суждениях, дон Диего. Этот Кричтон – совершеннейший рыцарь, настоящий Баярд!³⁷ Встречал ли кто такое соединение всех совершенств!

³⁵ *Фидий* (нач. V в. до н. э. – ок. 431–432 гг. до н. э.) – древнегреческий скульптор периода высокой классики. Под руководством Фидия исполнено скульптурное убранство Парфенона. Творчество Фидия является одним из высших достижений мирового искусства.

³⁶ *Дама* – мебельная шерстяная ткань, одноцветная или пестротканая.

³⁷ *Баярд* Пьер дю Террайль (1476–1524) – французский воин, прозванный «рыцарем без страха и упрека». На протяжении всей своей жизни сражался за интересы французского королевского дома, проявляя редкое мужество и верность. В одном из

Я едва верю своим глазам! Как! У него едва пробивается борода, а он уже одержал верх над нашими почтеннейшими докторами. Да падет на них стыд и бесславие, а ему слава и честь!

– Гм! – проворчал Каравайя. – Как вы думаете, пройдет ли он мимо нас?

– Я не знаю, – отвечал студент Сорбонны. – Постараемся приблизиться к нему по возможности. Кажется, достопочтенный Адриан готовится говорить. Он заслуживает, чтобы его освистали, беззубый бормотун! Но послушаем, что он скажет! Может быть, и позабавит нас! Как я вижу, наш шотландец в первых рядах и кричит так громко, что всех оглушит и надорвет свои легкие. Молчите! Эй, вы там, впереди! Не выпускайте его из виду, идальго, а то мы потеряем его в этой суматохе.

– Я сделаю получше, – возразил Каравайя, – буду следовать за ним, как тень! Будь спокоен, он не ускользнет от меня. Не поможешь ли ты мне приблизиться к нему?

– Мои локти к вашим услугам! – воскликнул студент Сорбонны. – Мы хорошо поработали! Благодаря твоим острым костям мы прорубились легче, чем я ожидал! Ей-богу, мы пришли кстати! Взгляни на господ д'Эпернона и Жуайеза, главных любимцев короля, они слывут первыми красавцами и храбрецами двора, а между тем, со всеми своими совершенствами, не могут выдержать сравнения с нашим солнцем Севера.

– Вы согласны с этим! – воскликнул Огильви, к которому приблизились разговаривавшие. – Вы признаете превосходство моего соотечественника, и я считаю себя удовлетворенным. Оставим наши разногласия. Что вы на это скажете? Господин испанец, дадите ли вы мне руку в знак примирения? Я вспылел и не обдумал свои слова. Согласны ли вы потопить в вине нашу ссору? Я охотно осушу стакан в честь нашего несравненного Кричтона.

Огильви протянул руку, но Каравайя не решался пожать ее.

– Клянусь мощами святого Антуана, дуэль должна состояться.

– Да хранит тебя от этого святой Антуан, – одернул его студент Сорбонны. – Пей вино своего врага, и ты воздашь ему добром за зло. Лучше принять от него стакан вина, чем проливать его кровь в поединке. Тем более, – прошептал он, – если ты пожелаешь, легко будет найти новый предлог к ссоре. Забудь свою досаду, – продолжал он громко, – пожми руку, протянутую тебе храбрым шотландцем.

– Хорошо, – сказал Каравайя, убежденный, вероятно, рассуждениями студента Сорбонны, – я согласен. Мы будем пить за здоровье несравненного Кричтона, так как отныне этот эпитет составляет неотъемлемую принадлежность его имени.

– Ну, полно, – сказал Огильви, пожимая руку испанца, – не отходи от меня в толпе или приходи потом в «Сосновую Шишку».

– Будь уверен, я приду! – отвечал испанец.

Тем временем все самые знаменитые свидетели диспута, такие как, например, губернатор Парижа, посланники, виконт Жуайез, барон д'Эпернон и некоторые другие лица в сопровождении деканов диалектического и философского факультетов, следовали на некотором расстоянии от шедшего перед ними начальника Наваррской коллегии, доктора Лануа, порой подолгу ожидая, когда он в очередной раз тронется с места.

Среди этой группы высокий рост и роскошный наряд двух фаворитов привлекали взоры всех присутствующих. Оба они слыли цветом рыцарства и славились красотой, любезностью и испытанной храбростью. Вольтер сказал о Жуайезе: «Из всех фаворитов Валуа, которые ему угождали и им повелевали, Жуайез, потомок славного рода, более всех заслуживал эти милости». Жан-Луи де Ногаре де ла Валетт д'Эпернон также был наделен блестящими качествами. Его ловкости и силе Генрих был обязан впоследствии сохранением своего престола, и его можно считать почти виновником окончательного падения Гизов, которых он смертельно нена-

видел и был их постоянным противником. Д'Эпернон продолжал еще носить черную одежду – в память своего брата по оружию, Сен-Мегрена, убитого, как полагают, по приказанию принца Майенского³⁸, подозревавшего его в связи со своей невесткой, герцогиней Гиз. Однако же его траур отличался величайшей роскошью, крест Святого Духа из оранжевого бархата, обшитый кругом золотом позументом, украшал его черный плащ; д'Эпернон, так же как и его товарищ, был командором этого недавно учрежденного ордена. Жуайез было лучезарен в оранжевом атласе и бархате самых приятных оттенков. Ничто не могло быть роскошнее его наряда, разве только костюм Рене де Виллекье, также командора ордена Святого Духа, который на этот раз надел все украшения, допускаемые орденом: полукафтан и штаны из серебряной ткани, длинный, влачащийся по земле плащ из черного бархата, окаймленный золотыми лилиями и сияниями, перемешанными с королевским гербом. Все трое имели на шее голубую ленту с орденом низшей степени, серебряным крестом и голубем художественной отделки. Следует добавить, что в этой же группе стояли аббат Брантом и поэт Ронсар.

У Брантома были пронизательные глаза, сухощавое лицо и нос с небольшой горбинкой. Огромные усы покрывали его верхнюю губу, но высокий лоб был почти совершенно лишен волос. Его обращение отличалось подобострастием, хотя улыбка была постоянно саркастическая и оттенок иронии слышался в его самых изысканных приветствиях. С его губ не сходило насмешливое выражение, а глаза, хотя живые и остроумные, были полузакрыты покрасневшими, безжизненными веками, обличавшими его невоздержанную жизнь. На нем был придворный костюм, темно-синий полукафтан с белыми прорезями на рукавах, цвета Маргариты де Валуа, портрет которой висел у него на цепочке из медальонов. На нем был также орден Святого Михаила, уже потерявший всякое значение, который называли ошейником для всех дураков. Аббат Брантом, одряхлевший прежде времени, был в то время немногим старше средних лет. Спина его сгорбилась, ноги одеревенели. Его жесткий, пронзительный взгляд выражал подозрительность, и вообще он имел вид хитрого, глубокомысленного наблюдателя.

Года, а может быть, и его хорошо известная чувственная жизнь оставили печальные следы на личности поэта Ронсара, некогда так щедро одаренного от природы. Он уже давно перестал быть прекрасным пажом, пленившим Иакова Шотландского, а быть может, и саму королеву. Он в это время уже жаловался и на лета, и на болезни. Его уцелевшие еще волосы приняли серебристый оттенок, кожа была матовой, мертвенной бледности, и он так сильно страдал от подагры, которая уже много лет его мучила, что вынужден был на этот раз опираться на костыль. Но несмотря на все это, он был одарен прекрасным умным лицом, озаренным приветливой улыбкой в минуты, свободные от острой боли.

– Я нахожу, господин аббат, – обратился к Брантому Ронсар, с беспокойством оглядываясь кругом, – что было большим неблагоприятием собрать здесь эту шумную толпу. Пока нашего цезаря будут венчать в Капитолии, мы можем очень легко стать жертвами этой овации.

– Вы переменили тон, мой собрат, с тех пор как ваша последняя комедия была принята, – вмешался Шико, который незаметно пробрался к ним. – Как мне помнится, эти самые студенты были тогда единственными покровителями муз. Теперь же они попали в немилость, но не тревожьтесь так сильно, на этот раз на вас не обратят внимания, ручаюсь в этом. Я сам, как видите, хотя и большая редкость, но не был ими замечен.

– Ну так я пойду с тобой, – сказал поэт, опираясь на руку шута. – Я попал в немилость за то, что покинул театр de la Folie. Но что привлекло тебя в обитель мудрости?

– Между умом и глупостью гораздо больше сходства, чем вам это кажется, – отвечал Шико. – Дураки, стоящие на высоте, для меня недостижимой, слетели с этих же совиных насестов. Мне, как и каждому, нравятся красивые зрелища и, хотя я несколько не желаю, чтобы

³⁸ *Майенский герцог*, Карл Гиз (1554–1611) – один из предводителей католиков в их борьбе с гугенотами. После убийства своего брата Генриха возглавил католическую Лигу и стремился завладеть французским престолом.

меня окатил ливень их вздорных споров и не имею никакого расположения выдерживать двенадцатичасовой сеанс риторики и философии, на котором, если человек не может постоянно говорить, то по крайней мере изо всех сил старается принудить и других к молчанию, но мне будет очень приятно посмеяться, как в последнем акте скучной комедии, над этими старыми комедиантами, прогнанными с их подмостков молодым актером, который только еще начинает свою жизнь, но более искусен, чем они.

– Поостерегись, шут, тебя может услышать благородный Кричтон.

– Ну, в таком случае благородный Кричтон убедится, что я не льстец, – возразил шут. – Каждый знает, что я не из числа тех, которые за спиной говорят правду, а в глаза льстят. Пьер Бурдель, я скажу тебе кое-что на ухо. Ты носишь на полукафтоне цвета твоей дамы и на шее ее портрет, но в ее сердце живет образ другого, а не твой. Прими совет дурака, забудь ее.

Брантом покраснел от гнева, но Шико с упорным ожесточением слепня продолжал:

– Такой сведущий историк, как вы, конечно, не забыли предания о прекрасной королеве, основательнице этого древнего здания, вход которого украшен ее статуей. Вы помните, как она улыбалась ученику Буридану и как в принадлежавшей ей роще на Сене она... но я вижу, вы припоминаете эту историю. Мне кажется, у нас найдется нечто подходящее к этой легенде. Впрочем, Жанна Наваррская была ни более ни менее как ветренная кокетка, игравшая плохие штуки со своими любовниками. Бедный Буридан мог бы пообдумать свой всем известный софизм, когда увидел себя в опасности быть поглощенным волнами реки, протекавшей под окнами его любовницы. (Жанна приказала зашить его в мешок и бросить в реку). Кажется, так передает легенда? Ха-ха!

И, разразившись громким смехом, шут убежал под защиту виконта Жуайеза.

– Хорошо, что я тебя нашел, кузен д'Арк, – сказал он. – Наш милейший Анрио очень нуждался в тебе на Сен-Жерменской ярмарке. Если бы ты и д'Эпернон были около него, нанесенное ему оскорбление не прошло бы безнаказанным.

– Какое оскорбление нанесли его величеству? – с живостью спросил виконт Жуайез. – Расскажи мне, чтобы я мог отомстить за него!

– Теперь не время, – отвечал Шико, – я тебе расскажу потом, когда твоя свита будет у подъезда. Виновники оскорбления – эти невежи студенты, изучившие придворные моды лучше, чем свои уроки, и шеи которых обернуты листами, вырванными из учебников, как вы сами видите.

– Понимаю, – возразил Жуайез, – дерзкая выдумка Гизов или их приверженцев; я бы разможил череп этим бездельникам, если бы не было безумием заниматься марионетками, когда надо добраться до самого шарлатана.

– Наш Анрио думал иначе, – продолжал шут, – когда услышал вопль этих негодяев «По шее узнается теленок!».

– Черт возьми! – воскликнул Жуайез. – Сюда! Господин Ларшан! Приведите мою роту стрелков, дайте мне лошадь! На коня, д'Эпернон! Позови своих сорок пять³⁹. Мы разгоним эту сволочь, мы свяжем их по рукам и по ногам и будем пороть до самых костей; мы их всех перерубим, если они вздумают сопротивляться. На лошадей, говорю вам!

– Успокойся, Жуайез, – возразил тихим голосом д'Эпернон, удерживая виконта. – Ты навлечешь на себя немилость его величества, затеяв ссору с университетом, и своей опрометчивостью очень обрадуешь Гиза и лигистов. Время для возмездия еще не пришло. Мы найдем более верные способы к отмщению.

– Как бы хотелось мне растоптать всю эту сволочь под копытами моей лошади! – возразил Жуайез. – Но я тебя послушаюсь, я знаю, ректор так же ревниво охраняет свои привилегии,

³⁹ *Сорок пять* – отряд дворян из 45 человек, представлявших собой личную охрану Генриха III, которой командовал д'Эпернон. (Подробнее см.: Дюма А. Сорок пять.)

как Гиз свою репутацию, и мы, может быть, не нашли бы достаточного предлога к нашему оправданию. Пусть он сам перевешает этих бездельников, и я сочту себя удовлетворенным. Этим он избавит от лишней работы палача.

– Всему придет свое время, – возразил д'Эпернон, – и мне сдается, что ректор по окончании своей беседы с Кричтоном обратится со строгим выговором к этим крикунам. Вот слушай!

Ректор, который своим разговором задержал Кричтона против его воли у входа в коллегия, обратился в это время к студентам, делая знак, что хочет говорить с ними. Как только присутствующие поняли его жесты, шум утих, и водворилось глубокое молчание.

– Господа студенты Парижского университета, – начал ректор, – без сомнения, вам уже известно, что ваши ученейшие доктора и профессора потерпели сегодня поражение, но оно несколько не бесчестит тех, на чью долю оно выпало, а только возвышает славу победителя. Благородный Кричтон выказал свое превосходство во всех отраслях знания, и мы от всего сердца уступаем ему наши лавры, да осеняют они его постоянно, и да будет закат его жизни так же славен, как ее рассвет! Подобно Данту, он явился к нам неизвестным, подобно Данту, уходит покрытым славой, блеск которой распространится по всем ученым обществам Европы. Проникнутый наравне со всеми старейшинами университета глубоким удивлением к его превосходным способностям и к его несравненной учености, от имени моих собратьев и от своего имени, с согласия вашего и всех членов университета, который чтит талант и благоговеет перед гением, я вручаю ему в знак вашего уважения и благоволения это кольцо. Я уверен, он будет носить его в память об одержанной им сегодня победе и в память об университете, над которым он восторжествовал. Пользуясь настоящим случаем, я выражаю эти чувства публично, для того чтобы дать возможность всем членам университета выразить свое сочувствие. Студенты Парижа, согласны ли вы подтвердить мои слова?

Гром рукоплесканий заглушил речь ректора, и тысячекратное «ура!» отвечало на его воззвание. Все взоры устремились на Кричтона, который, очевидно, ожидал только окончания этих криков, чтобы в свою очередь обратиться к собранию. Тотчас же воцарилась тишина.

– Когда общество ученых Рима предоставило все зависящие от него почести Пико де Мирандоле⁴⁰, фениксу своего времени и любимцу муз, он отклонил их, говоря, что недостойн такого почета и что вознагражден выше своих заслуг уже тем, что был ими выслушан. По примеру этого принца, хотя и не имею права на равный с ним почет, я уверяю вас, что не заслуживаю и не желаю получить иного отличия, как то, которое уже было мне оказано. Я и так получил более, чем заслужил. Вступив в дружеское состязание с людьми, умственное превосходство которых я охотно признаю, я одержал над ними перевес только потому, что удачнее их выбрал оружие и с большей ловкостью им воспользовался. Гордость не ослепляет меня, я вижу ясно истинную причину одержанной мною победы. Как и большинство важных событий в жизни, она могла быть следствием благоприятной для меня случайности. Если бы завтра возобновилась борьба, я мог бы быть поставлен в положение моих противников. Могло случиться, что из вежливости к иностранцу и из снисхождения к его молодости мои соперники не воспользовались всеми своими силами. И нет сомнения, что они действовали под влиянием этих чувств. Но, допустим, что я на самом деле одержал над ними верх. Вы меня удостоили ваших рукоплесканий, и этого вполне для меня достаточно. Трофеи победы, которых можно так же легко лишиться, как они легко приобретаются, не имеют цены в моих глазах. Могут появиться более талантливые люди. Многочисленны цели, к которым стремится мое честолюбие.

– Да здравствует Кричтон! Да здравствует несравненный Кричтон! – закричали студенты.

Кричтон любезно раскланялся со всем обществом и готов уже был удалиться, но его удержал ректор.

⁴⁰ Пико де ла Мирандола Джованни (1463–1494) – знаменитый итальянский ученый эпохи Возрождения, сын моденского графа. Отказавшись от политической деятельности, посвятил себя науке, изучил двадцать два языка.

– Вы должны принять эту драгоценность, – сказал он, – нельзя отвергать дары, предлагаемые университетом Парижа. – И, сняв бриллиантовый перстень с указательного пальца и отвязав от пояса кошелек, месьсир Адриан Амбуаз предложил их Кричтону.

– Я не могу отклонить ваш подарок, – отвечал Кричтон, против воли принимая перстень, – так как вы требуете, чтобы я его принял, хотя вполне сознаю, что награжден выше моих заслуг. Я буду сохранять этот драгоценный перстень, но что касается содержимого вашего кошелька, то вы позволите мне распорядиться им по моему усмотрению?

– Кошелек ваш, можете употребить его содержимое как вам будет угодно, сеньор, – ответил ректор.

Тогда Кричтон надел на палец перстень и принялся бросать пригоршнями наполнявшие кошелек золотые монеты в толпу студентов. Произошло сильное волнение, во время которого многие из студентов переступили черту и вплотную приблизились к Кричтону и ректору. Один из них, юноша, с некоторого времени закрывавший свое лицо зеленым плащом, кинулся вперед и, став на колени перед Кричтоном, положил у его ног лавровый венок.

– Не отвергайте мой дар, сеньор Кричтон, – прошептал он тихим, несмелым голосом, – хотя он незатейлив и недостоин вас. Я сам увенчаю им ваше чело, если вы дадите мне ваше милостивое позволение.

– Уйди, безрассудный молодой человек, – с важностью заметил ректор, – ты слишком самонадеян!

– Прошу вас, извините его, – возразил Кричтон, – приветствие слишком лестно, чтобы его отклонять. И, с вашего позволения, сделано в такой привлекательной форме, что вполне заслуживает любезного ответа. Я принимаю ваш венок, молодой человек, и прошу вас, встаньте. Но почему, – прибавил он с улыбкой, – были вы так уверены, что я окажусь победителем? Ничто не гарантировало подобный исход. И ваш венок оказался бы лишним, если бы я потерпел поражение.

Молодой человек встал и, устремив на Кричтона свои черные глаза, проговорил:

– Что бы ни предпринял несравненный Кричтон, он всегда превзойдет всех людей. Его совершенно справедливо назвали *Несравненным*. Он выходит победителем из любой борьбы. Я был уверен в его успехе.

– Вы, кажется, искренни, и я верю вашим словам, – ответил Кричтон. – Мне кажется, что я уже видел ваше лицо, хотя и не помню, где именно. Вы не принадлежите к этим коллегиям?

– Он принадлежит к джелозо, сеньор Кричтон, – сказал Огильви, который с Каравайя и студентом Сорбонны успел приблизиться к Кричтону. – Не поддайтесь обману, подобно мне, при виде этой честной наружности. Назад, молодой человек! Ступай отсюда со своим лицемерием.

– Он джелозо! – воскликнул Кричтон. – А, теперь я припоминаю эти черты. Это тот молодой человек, которого я так часто встречаю. Почему ты отворачиваешься, юноша? Мне кажется, я не сказал ничего для тебя неприятного.

Джелозо покраснел от стыда.

– Скажи мне, – продолжал Кричтон, – что это за незнакомец в маске, который постоянно находится около тебя во время твоих прогулок? В отеле Бурбон он тебя преследует как тень. Не ты ли придумал это средство, чтобы привлечь к себе внимание? Если это так, то, честное слово, ты вполне достиг своей цели. Странные поступки этого человека привлекли внимание самого короля Генриха.

– Вы тоже заметили эту маску, сеньор? – спросил джелозо с выражением замешательства, граничившего почти со страхом. – Я часто думал, что это видение вызвано игрой моего воображения. Но вы также видели его.

– Я его видел! – сказал Кричтон. – Но я нахожу, что ответ слишком уклончив. Судя по вашей наружности, я предполагал в вас больше искренности. Но можно ли ожидать чистосер-

дечия от комедианта? Я боюсь, что и настоящий ваш поступок только уловка, чтобы обратить на себя внимание.

Сказав это, Кричтон отвернулся. Джелозо попробовал было возражать, но остановился в смущении. Огильви хотел оттолкнуть его назад, но воздержался, увидев, что тот закрывает лицо плащом и добровольно отодвигается.

В манере венецианца было что-то такое, что поразило Кричтона, и он упрекал себя за свою несправедливую строгость к молодому человеку. Положив руку на его плечо, он сказал ему несколько слов более ласковым голосом.

Джелозо поднял глаза, они были полны слез. Он устремил их на лицо Кричтона, потом на его руку, которая еще лежала у него на плече. Вдруг он вздрогнул. Он поднял руку к глазам и вытер слезы, затемнявшие его зрение. Потом вдруг воскликнул, указывая на палец Кричтона:

– Кольцо! Вы, кажется, его надели?

Удивленный волнением молодого человека и его вопросом, Кричтон взглянул на свой палец, на который за минуту перед тем надел подарок ректора. Кольца не было.

Не будучи в состоянии объяснить себе это сверхъестественное исчезновение и отчасти подозревая самого молодого венецианца, Кричтон устремил на него пронизательный взгляд. Джелозо слегка вздрогнул под огнем этого взгляда, но твердо его выдержал.

«Нет, это не он, – подумал Кричтон, – такое открытое лицо не может принадлежать плуту».

В эту минуту среди студентов снова произошло движение. Огильви и венецианец помимо их желания придвинулись к Кричтону, – и вдруг сверкнул кинжал. По его движению можно было подумать, что его держит Огильви. Кинжал сверкнул над головой Кричтона, но джелозо заметил это. Вскрикнув, он бросился под удар сам. Оружие опустилось. Руки венецианца обвились вокруг шеи Кричтона. В одну минуту он был залит кровью.

Для Кричтона выхватить шпагу и поддержать тело почти безжизненного джелозо было делом одной минуты.

– Вот убийца! – закричал он и свободной рукой со сверхъестественной силой схватил за горло Огильви, который онемел под его пальцами.

Английский бульдог

В толпе студентов раздался крик, что Кричтон убит. Смятение было так велико, что несколько минут нельзя было понять, справедлив или ложен этот слух.

Толпа пришла в ярость. Она требовала, чтобы убийца был предоставлен ее возмездию. С воплями, бранью, угрозами и проклятиями студенты проталкивались вперед, вбок, во всех направлениях. Стрелки, расставленные вокруг докторов и профессоров, были тотчас вынуждены отступить. Деканы коллегий немедленно укрылись в зале, из которого только что вышли. Дела принимали угрожающий оборот. Палки свистели в воздухе. Удары сыпались без разбора, и многие из учеников постарались свести свои старинные счета с некоторыми докторами, слишком строгими и требовательными, но недостаточно проворными в отступлении. Напрасно старался ректор утихомирить бурю, голос его, обыкновенно наводивший страх, терялся в этой суматохе.

– Хвала науке! – кричали студенты, проталкиваясь вперед.

– Хвала науке! – кричал Шико, который, спрятавшись в нише главного входа, издали смотрел на беснующуюся толпу. – Я никогда еще не слышал этого крика, но он напоминает крик стаи чаек перед бурей и не предвещает ничего хорошего.

– Их проклятые крики похожи на кваканье лягушек в комедии Аристофана⁴¹, – сказал Ронсар. – С той самой минуты, как я увидел эту толкотню, я предсказывал, что случится какое-нибудь несчастье.

– Я надеюсь, что в ваших словах более поэтического, чем пророческого смысла, – возразил Брантом. – Но признаюсь, однако, что у меня есть некоторые опасения...

– Я полагаю, милостивый государь, – обратился Рене де Виллекье к ректору, – что следовало бы подавить это волнение в самом начале. Иначе некоторым придется поплатиться жизнью. Смотрите, они приближаются к убийце, они его схватили, они вырывают его из рук Кричтона! Смерть Христова! Милостивый государь, они его разорвут на части! Не следует допускать этого. Мы не можем стоять сложа руки, когда совершается убийство!

– Живодеры! – закричал Жуайез. – Сам Кричтон в опасности. Клянусь Богородицей! Я двину на них моих стрелков.

– Остановитесь, милостивый государь! Одну минуту, умоляю вас, мое присутствие положит конец их неистовствам. Я сам пойду к ним. Они не посмеют ослушаться моих приказаний. – И в сопровождении начальника Наваррской коллегии ректор пробился к месту основной свалки.

– Дайте ему сделать эту попытку, – обратился д'Эпернон к виконту Жуайезу, который, как горячий конь, не мог устоять на месте. – Если они не послушаются ректора, тогда...

– Хвала науке! – подхватил Шико. – Мы скоро увидим презабавный образец их рыцарских чувств. Клянусь моей погремушкой, им теперь не до нравоучений.

– Это напрасная трата времени! – вскричал Жуайез. – Я потерял терпение. Эти свирепые школяры не преклоняются даже перед величием королевской власти, – как же ректор может ожидать от них послушания. Ко мне, Ларшан! Вперед!

Выхватив шпагу, в сопровождении капитана гвардии виконт смело бросился в свалку.

Между тем известие, что Кричтон не ранен, немного успокоило ярость толпы. Однако же она была еще в сильном возбуждении. Огильви был вырван из рук Кричтона, и ему угрожала немедленная мучительная смерть. Лишенный возможности говорить под давлением сильной руки Кричтона, от которого он спасся только для того, чтобы очутиться в положении еще более

⁴¹ Аристофан (ок. 445–386 гг. до н. э.) – поэт, выдающийся представитель древнегреческой комедии. В античные времена его творчество трактовалось неоднозначно, всеобщее признание пришло только с эпохой Возрождения.

ужасном, оглушенный ударами студентов, он только в минуту крайней опасности снова приобрел дар речи. С отчаянием он вырвался из рук студентов и стал звать Кричтона на помощь. Его тотчас опять схватили. Неистовые вопли и насмешки этой безжалостной толпы заглушили его крики.

– Он зовет на помощь Кричтона! – ревел Каравайя, который одним из первых напал на злополучного шотландца и дико радовался угрожавшей ему опасности. – Ты имеешь столько же права просить помощи у Кричтона, которого хотел убить, как змея у пяты, которую ужалила. Но ты видишь, твой земляк остается глух к твоим мольбам.

– Вероятно, я ошибаюсь, – сказал Кричтон, который своим вышитым платком старался унять кровь раненого джелозо и ушей которого только что достиг последний возглас испанца. – Возможно ли, чтобы убийцей был один из моих соотечественников?

– Между тем это так и есть, сеньор Кричтон, – отвечал Каравайя. – Да падет на него вечный позор.

– Выслушайте меня, благородный Кричтон, – кричал Огильви, тогда как испанец напрасно старался принудить его к молчанию. – Не считайте меня виноватым в этом преступлении. Я не хочу погибнуть обремененным тяжестью чужого злодейства. Я не убийца, я Гаспар Огильви де Бальфур!

– Остановитесь! – воскликнул Кричтон, поручая бесчувственного джелозо попечению одного из присутствующих и направляясь к Огильви. – Дайте мне переговорить с этим человеком. Докажи мне, чем бы то ни было, что ты именно тот человек, за которого выдаешь себя. Твой голос напоминает мне давно минувшее, но я не могу узнать Гаспара Огильви по этим чертам, залитым кровью.

– Вы не узнали бы моего лица, даже если бы оно было отмыто от крови. Мы оба достигли зрелости с тех пор, как виделись в последний раз. Но вы вспомните, хотя это было очень давно, прогулку в лодке при лунном свете на озере Ключни, во время которой был спасен утопавший человек. Воспоминание об этом поступке было всегда моей радостью, сегодня же оно составляет мою гордость. Но не в этом дело, я лишь хочу дать вам возможность вспомнить меня, уважаемый Кричтон, а потом эти чертовы собаки могут делать со мной все что им заблагорассудится.

– Вы достаточно сказали, я удовлетворен, более чем удовлетворен, – отвечал Кричтон. – Господа, отпустите этого человека, он совершенно не повинен в предъявленных ему обвинениях. Я своей головой отвечаю за него.

Студенты засмеялись с явным недоверием.

– Порукой в его невиновности служат только его собственные слова, – сказал бернардинец, – а очевидность, к сожалению, против него.

– Этот нож находился в кармане его куртки, когда мы его вырвали из рук сеньора Кричтона, – добавил Каравайя, показывая окровавленное оружие. – Я нахожу, что это неоспоримое доказательство.

Буря ругательств разразилась в ответ на это воззвание к страстям толпы.

– Ты лжешь! – закричал Огильви, стараясь высвободить свои руки, – этот кинжал принадлежит тебе, мой же висит у меня на поясе. Хорошо бы было, если бы я имел его под рукой.

– Ну так покажи его, – возразил Каравайя и запустил руку в разорванную куртку шотландца. – А! – закричал он вдруг. – Что это я нашел! Вот бриллиантовый перстень с гербом университета. Он вор и убийца!

Казалось, внезапная мысль озарила Кричтона.

– Здесь скрывается какая-то тайна! – воскликнул он. – Отведите к ректору обвиняемого и обвинителя.

Среди студентов поднялся ропот:

– Он хочет спасти своего соотечественника! – кричали они. – Мы уверены в его виновности.

– Но вы не можете по своему произволу судить его, – строго возразил Кричтон, – передайте его в руки начальства, схватите этого испанца, его обвинителя, и я буду удовлетворен.

– Превосходно! – отвечал Каравайя. – В награду за мои усилия схватить убийцу меня же самого обвиняют в преступлении. Это хорошо. Но если вы, сеньор Кричтон, так легко одурачены увертками вашего земляка, то мои товарищи не так скоро поддаются обману. Ноу да Dios! Они слишком хорошо меня знают, чтобы подозревать в таком гнусном поступке!

– Студенты Парижа пользуются правом выносить приговор в случаях, подобных настоящему, где виновность подсудимого вполне доказана, – сказал студент Сорбонны. – Право разбирательства в собственных делах – одна из их привилегий, и они готовы принять на себя ответственность за последствия их решения. Мы осудили этого человека и не выпустим его. Для чего откладывать, друзья?

– Да, для чего? – добавил Каравайя.

– Берегитесь совершить еще какое-либо насилие! – закричал Кричтон громовым голосом. – Я долго сдерживался из чувства почтения к вашему университету, но я не намерен более быть хладнокровным зрителем ваших жестокостей.

– Я с вами заодно, господин Кричтон, – заявил английский студент Симон Блунт, подходя к нему как всегда в сопровождении своего громадного бульдога, широкая грудь, короткие ноги и могучая пасть которого имели большое сходство с угловатым сложением, кривыми ногами и отталкивающей физиономией его хозяина. – Вашему соотечественнику не нанесут никакой обиды, пока у меня есть палка и шпага для его защиты. Что же касается возводимого на него обвинения, то я убежден в виновности этого испанского головореза. Но во всяком случае, его не следует убивать без участия судей и присяжных. Ну-ка, Друид! – прибавил он, бросая выразительный взгляд на громадное животное. – Придется снять с тебя намордник, если эти собаки вздумают показать зубы.

В эту минуту подошли ректор и доктор Лануа.

– Выслушайте меня, дети мои, – начал громким голосом ректор, – шотландец будет подвергнут суду, передайте его сержанту, пришедшему со мной. Я берусь разобрать сам, без отлагательства, его дело. Чего же еще вы можете требовать? Своим буйством вы лишь усугубите вред, который уже нанесли университету, поколебав уважение к нему его знаменитых посетителей.

Кричтон с минуту совещался с ректором, который, казалось, принял данный ему совет.

– Расходитесь сию же минуту, и чтобы каждый из вас шел в коллегия, к которой принадлежит, – продолжал Адриан Амбуаз строгим голосом. – Сержант, подойдите и арестуйте Гаспара Огильви из Шотландской коллегии и Диего Каравайя из Наваррской коллегии. Господа студенты, помогите ему. А! Вы, кажется, колеблетесь! Возможно ли, чтобы вы осмелились послушаться родительских увещаний отца университета?

Ропот неудовольствия пронесся по рядам студентов, и их вид был так грозен, что сержант гвардии не решался привести в исполнение приказания ректора.

– Для чего стали бы мы уважать его желания? – ворчал студент Сорбонны. – Ясно, что наш отец обращается с нами не с большим уважением. Пусть отец университета скажет нам, почему его дети не были допущены к сегодняшнему диспуту, и тогда мы посмотрим, следует ли исполнить его просьбу!

– Да, пусть он на это ответит! – поддержал бернардинец.

– Ему очень трудно дать этот ответ, – сказал Каравайя. – Клянусь погибелью мира! Я не дамся никому в руки, ни сержанту, ни ректору, ни шотландцу, ни англичанину, и чтобы доказать, как мало обращаю я внимания на их угрозы, я первый нанесу удар этому презренному типу, если никто не решается убить его.

Говоря это, Каравайя занес кинжал, собираясь ударить Огильви, но в ту же минуту был схвачен мускулистой рукой и отброшен назад с такой силой, что с глухим проклятием тяжело рухнул на землю. Кричтон, рука которого свалила испанца, бросился в толпу студентов с такой непреодолимой энергией, что их общие усилия не могли остановить его. Внезапно отстранив тех, которые держали Огильви, он вложил ему в руку кинжал, и, выхватив свою шпагу, спокойно ожидал нападения студентов.

Пылкий и решительный, вдобавок свирепый, как и бульдог, его сопровождавший, Блунт последовал за Кричтоном. Довольствуясь тем, что отражал удары, направленные на последнего, он некоторое время воздерживался наносить их сам. Но он не мог долго ограничиваться одной обороной. Тяжелый удар по голове привел его в ярость. Он принялся рассыпать ответные удары так старательно и с такой решительностью, что каждый из них валил с ног одного из нападающих. Казалось, в одной руке Блунта было столько силы, как у двадцати молотильщиков. Он разбивал головы нападающих так же легко, как мальчишка, играя, разбивает тыквы. Студент Сорбонны попробовал противопоставить дубине англичанина свою палку, но нашему софисту пришлось защитить диссертацию потруднее тех, к которым он привык! Под силой удара Блунта гибкая виноградная лоза, выскользнув из руки студента, отлетела на порядочное расстояние, рука же, державшая ее, была раздроблена и повисла без движения. В течение этого времени Огильви и Кричтон не оставались без дела. Спина к спине они стояли в оборонительной позе. Испуская дикие крики и потрясая палками, студенты начали яростно нападать на них. Удары градом сыпались на Кричтона. Шпага его, описывая круги, сверкала, как молния. Казалось, он был неуязвим. Ни один удар еще не коснулся его. Каравайя, уже успевший подняться, был в первом ряду нападающих. «Клянусь святым Иаковом, – кричал он, – я смою его кровью пятно, которое он наложил на наши академии и на меня. Берегись, гордый шотландец!» И вдруг, кинувшись вперед, он нанес Кричтону отчаянный удар.

Каравайя был искусный боец, но противник его не имел равных себе в искусстве защиты. Он с необыкновенной ловкостью отбивал удары испанца, и после нескольких взаимных быстрых движений длинная толедская шпага выскользнула из рук Каравайя, и он оказался во власти победителя. Но Кричтон не воспользовался своей победой и оставил своего врага, решив, что тот не стоит удара его шпаги. Скрежеща от ярости зубами, Каравайя искал какое-либо оружие, между тем как студенты, ободряя друг друга криками, продолжали наступать.

Один из них, огромного роста, прославившийся среди своих братьев необыкновенными подвигами, достойными Атлета, кичась данным ему прозвищем Оборотень (у Рабле оно принадлежало колоссальному бойцу, против которого так храбро боролся Пантагрюэль), с железным прутом в руках, заменявшим ему палку, решительно бросился на Кричтона. Пользуясь моментом, когда на того нападали со всех сторон, он хотел нанести ему сильный удар по голове. Тяжелое оружие опустилось, Кричтон, предвидя удар, отпрянул в сторону, хотя и не успел в полной мере уклониться от него.

Сила удара была такова, что шпага Кричтона, сделанная из самой лучшей стали, переломилась у эфеса. Тогда-то необыкновенная физическая сила и замечательная ловкость Кричтона отлично помогли ему. Не давая времени своему гигантскому противнику повторить удар, он бросился на него и схватил с такой силой, что гигант зашатался. В первый раз встретил он достойного противника. Стиснутый сильными руками Кричтона, Оборотень не мог ни освободить свою правую руку, ни воспользоваться своей силой. Он едва дышал. Его сильная грудь вздымалась и дрожала, как огнедышащая гора. Утомляя себя напрасными усилиями, он пытался, как кит, преследуемый морским единорогом.

Уверенные в исходе борьбы и не желавшие лишиться своего защитника славы победителя, студенты перестали нападать на Кричтона и направили свои удары на Огильви и Блунта. Покинутый своими товарищами, Оборотень стыдился звать их на помощь и вскоре почувствовал, что слабеет подобно своему тезке, когда тот изгибался, придавленный страшным Пан-

тагрюэлем. Как башня, поколебленная подземной работой минера, он пошатнулся и с шумом, покрывшим гул битвы, упал неподвижным и бездыханным на землю.

Схватив железный прут, выпавший из рук противника, Кричтон хотел присоединиться к товарищам, но внезапно другое событие привлекло его внимание. Голос, принадлежавший, как ему показалось, джелозо, отчаянно выкрикнул его имя, и он бросился в направлении этого призыва.

Между тем Огильви неожиданно приобрел сильного союзника в лице Друида, бульдога англичанина. Раздраженный упорными нападениями врагов, Блунт снял наконец намордник с озверевшей от окружающей кутерьмы собаки и, отстегнув поводок, быстро придал делу иной оборот. Сперва послышалось глухое рычание, потом ужасный рев взбешенного животного. Его огромная пасть раскрылась, морщинистая кожа на лбу съежилась в тысячу складок, глаза метали молнии, клыки блестели. Он ринулся на студентов. Блунт науськивал пса, контролируя его нападение. Удары, казалось, не производили никакого действия на толстую шкуру ужасного животного, а только еще более раздражали его. Он бросался, как волк на стадо овец.

Сцена была ужасна, но вместе с тем не лишена комизма. Студенты охотно бы отступили, но отступление было невозможно. Крики и ругательства свидетельствовали об опустошениях, произведенных их безжалостным противником. Его зубы впивались то в ногу одного, то в руку другого, то в горло третьего.

– Это сам сатана в образе собаки! – кричали студенты. – Изыди, сатана!

Но на Друида не действовали ни мольбы, ни заклинания. Встряхнув своей огромной головой и снова показывая свои ужасные клыки, он готовился к новым подвигам.

Вокруг Блунта и Огильви, благодаря их страшному помощнику, образовалось пустое пространство. На земле, закрывая лицо руками, чтобы защититься от зубов собаки, которая его повалила, лежал неподвижный бернардинец.

Положив тяжелую лапу на горло полуживого студента, Друид устремил свои раскаленные глаза на хозяина, как бы спрашивая его, должен ли он довершить дело. Это была критическая минута для бернардинца.

Но в это время бряцанье оружия, стук лошадиных копыт и громкие крики возвестили о приближении Жуайеза и его стрелков.

С быстротой орла, нападающего на стаю мелких пташек, Жуайез на коне, становившемся под ним на дыбы, бросился в толпу. С другой стороны приближались алебардчики ректора и лакеи Рене де Виллекье. Кроме того, справа обступили толпу хорошо обученные шотландские гвардейцы под начальством барона д'Эпернона. Окружаемые со всех сторон, студенты очутились в самом критическом положении. Снова послышался ропот:

– Долой любимцев! Долой шотландских головорезов!

Но эти крики быстро умолкли. Получив несколько ударов, нанесенных шпагами гвардейцев, студенты побросали палки в знак покорности.

Козимо Руджиери

Человек, которому Кричтон, бросаясь на помощь к Огильви, поручил бесчувственное тело джелозо, принял его с такой готовностью и поспешностью, как будто ожидал этого. Чтобы не привлекать больше чьего-либо внимания, он со своей ношей на руках старался выбраться из толпы.

Это был старик странной и непривлекательной наружности, одетый в длинную черную мантию, подбитую шелковой материей огненного цвета и обшитую серым мехом. Куртку и штаны заменял богатый кафтан из алого бархата, подпоясанный шелковым шнурком, на котором висел роскошный мешочек с вышитым гербом Екатерины Медичи. На груди была цепь из медальонов, покрытых кабалистическими знаками, на голове шапочка из пурпурного бархата. Он не имел на себе ни оружия, ни девизов, только один герб королевы-матери. Его высокое, совершенно лишенное волос, покрытое морщинами чело могло бы внушить почтение, если бы черные брови не придавали ему мрачное и зловещее выражение. Виски были впалыми, щеки худыми, кожа синевато-бледного цвета походила на пергамент. На глазах его, имевших странный блеск, было что-то вроде оболочки, которая, казалось, защищала их, как это свойственно глазам орла, от слишком яркого солнечного света. Он имел хитрый и коварный взгляд, большой горбатый нос, над которым сходились черные брови. Все лицо в совокупности выражало лукавство, подозрительность и злобу. Он был высок ростом, пока не согнулся от старости, и теперь казался гораздо ниже из-за сгорбленной спины. Его обезображенные ноги скрывались под широкими складками одежды, но все суставы были вывихнуты во время его заключения в Бастилии, при Карле IX, где он был подвергнут пытке по обвинению в колдовстве.

Этот отвратительный человек, описанный нами выше, был не кто иной, как Козимо Руджиери собственной персоной. По происхождению флорентиец, по призванию математик, алхимик и даже поэт, как это видно из *анаграмматографии* Николая Клемента Трело, секретаря герцога Анжуйского, он исполнял обязанности главного астролога Екатерины Медичи, вывезшей его из Флоренции, и пользовался ее особенной милостью. Благодаря ее влиянию он избежал от пыток, тюрьмы и смерти, ей он был обязан своим возвышением при дворе ее третьего сына Генриха, которому, как говорили, он помог завладеть престолом, умертвив обоих его братьев, Франциска II⁴² и Карла IX. Ей он был обязан – вольнодумец и еретик, а по некоторым слухам даже идолопоклонник – возведением в духовный сан аббата Сент-Маге, в Бретани. Несмотря на противодействие своих явных и тайных врагов, он мог благодаря ее поддержке беспрепятственно продолжать свои таинственные занятия и от нее узнавать государственные тайны.

За все эти благодеяния он каждую ночь читал по звездам для королевы-матери (королевы, говорившей, что она управляет государством руками своих сыновей). Всякий раз, когда она сталкивалась с трудностями, Екатерина обращалась к нему за советами. Руджиери был слепо предан ей и являлся главным исполнителем всех ее тайных замыслов и интриг. Ему предъявляли самые мрачные обвинения. Про него рассказывали всевозможные ужасы, которые порождались суевериями века. Уверяли, что он очень искусен в некромантии⁴³, что он чародей и идолопоклонник, что он председательствует на шабаше колдунов, торгует трупами, снятыми с виселиц, и, наконец, что он употребляет в пищу мясо новорожденных детей.

Впрочем, не один Руджиери слыл в то время колдуном. При Генрихе III, да и в предшествовавшее царствование астрология была столь востребована, что число людей, занимав-

⁴² Франциск II (1543–1560) – король Франции с 1559 г. Будучи слабым, болезненным юношей, попал под сильное влияние кардинала Карла Гиза, женившего его на своей племяннице Марии Стюарт.

⁴³ Некромантия – вид гадания в древности, вызывание теней умерших с целью задать им вопрос о будущем.

шихся этой тайной наукой, доходило до тридцати тысяч – цифра невероятная, если посчитать, сколько требовалось средств к существованию этим людям.

Как бы то ни было, Руджиери благоденствовал. Но уже в то время говорили, хотя и с оглядкой, что он отыскал новый, более ужасный источник богатства. Медленные тонкие яды, изобретенные во Флоренции, страшное действие которых проявлялось в постепенном истощении жертвы, считались его произведением. Его дьявольскому напитку приписывали кровавый пот, орошавший каждую ночь постель Карла IX. Король умер, и у Руджиери стало одним врагом менее. Но так велик был ужас, вызываемый его адскими снадобьями, что самый отъявленный пьяница выронил бы из рук кубок с вином при мысли, что он приготовлен Козимо Руджиери.

При этом вызывающем ужас математике всегда находился немой африканский невольник необыкновенно маленького роста и самого фантастического сложения. Если бы этот человек хоть сколько-нибудь походил на своего господина, то его можно было бы принять за его тень, так близко следовал он за ним. Но как ни странна была наружность астролога, наружность пажа была еще страннее. Отвратительный, безобразный и горбатый Эльберих (так звали негра) был столь мал сравнительно со своей толщиной, что когда ходил, то казался катящимся комом сажи, у которого вместо глаз были вставлены два горящих угля. Стоя он походил на раздутого павиана, сидящего на задних лапах. Его широкие ступни были видны, но не было никакого признака ног; механизм, помогавший ему ходить, оставался загадкой для окружающих. Руки его были коротки и худы, кисти рук плоски и расплуснуты, как боковые плавники тюленя.

С помощью этого карлика, которого все сторонились с отвращением, Руджиери нетрудно было удалиться и добраться до контрфорса коллегии. Будучи уверен, что там в углублении стены никто его не заметит и не побеспокоит, он занялся доверенным ему джелозо. Кричтон отчасти остановил кровотечение из раны, зиявшей на плече. Рука была перевязана платком. Рана не казалась опасной, и Руджиери, чтобы возвратиться к жизни джелозо, прибегнул к лекарству, которое всегда носил при себе.

Отстранив черные, густые локоны, в беспорядке падавшие на лицо джелозо, Руджиери был поражен его необыкновенной красотой. Хотя щеки утратили свой горячий румянец, который подобно солнечному лучу на снежной вершине оживлял его южный цвет лица, хотя белизна мрамора покрыла его, лицо джелозо оставалось прекрасно, как и прежде. Живое существо превратилось в прелестную статую, и Руджиери с восторженным энтузиазмом художника рассматривал подробности очертания этой статуи. Он с возрастающим восхищением исследовал каждый штришок. Астролога удивляли не столько гармоничные, правильные черты лица молодого человека, как его тонкая, атласная кожа, его гладкая, белая шея, на которой, подобно тонким нитям, перекрещивались голубоватые жилки. Именно это и вызывало восторг астролога. Он так углубился в свои мысли и так засмотрелся на джелозо, что совершенно забыл употребить в дело пузырек, который был у него в руке. Руджиери внимательно рассматривал белое как снег лицо джелозо, глаза которого были закрыты, но темные глазные яблоки почти просвечивали сквозь прозрачные веки. Он любовался его длинными шелковистыми ресницами, его черными, великолепно обрисованными бровями, его тонкими, красивыми ноздрями, его изящно очерченным ртом. Астролог был вне себя от удивления. Он взял маленькую белую руку, неподвижно повисшую, и стал внимательно изучать ее линии. И чем больше изучал, тем более омрачалось его лицо. Он провел рукой по своему лбу, и внезапное волнение потрясло все его существо.

– Дух Самбеты, – воскликнул он, – возможно ли это? Мог ли я так долго ошибаться? Неужели небесные светила могли так долго обманывать их адепта? Это невозможно! Правда, в последний раз планеты заняли угрожающее положение. Их сопоставление указывало, что мне грозит опасность от руки чужеземца. Этот день и час полны бедствий. Я предвижу несчастье, мне угрожающее, но я также вижу средство его избежать. На моей дороге стоит Кричтон. Это

именно тот враг, который мне угрожает. Сегодняшний день связывает его судьбу с моей и еще с судьбой другого человека. В этом человеке моя защита, и я держу его в своих объятиях; один из нас должен погибнуть. Густая завеса скрывает от меня будущее. Да будет проклято несовершенство моего знания, которое открывает передо мною будущее только до известного предела. Но я могу отвести удар.

И он снова стал рассматривать лицо джелозо.

– Почему, – продолжал он в раздумье, – когда я гляжу на эти милые, хотя и безжизненные черты, тысячи забытых воспоминаний встают в моем сердце? Это лицо, хотя оно гораздо прекраснее, напоминает мне давно забытый образ, поглощенный событиями прошлого, оно мне напоминает грезы юности, страсть, горячий бред. Оно напоминает мне одно событие моей жизни, о котором я даже не хочу вспоминать. Кто этот молодой человек? Или, вернее, если только мои глаза не потеряли своей проницательности и не стали слепы ко всему, кроме величия блестящих светил ночи, кто это?..

Размышления астролога были прерваны тяжелым вздохом джелозо. Тогда Руджиери прибегнул к своему пузырьку и дрожащей рукой принялся расстегивать камзол молодого человека, чтобы облегчить ему дыхание.

Отстранив складки его окровавленной рубашки, он увидел грудь молодой, прелестной женщины. Глаза его засверкали под прикрывавшей их оболочкой.

– Вот что я подозревал, – прошептал он. – Переодетая молодая девушка! Вероятно, безрассудно отдала свое сердце Кричтону. Если это так, то она послужит мне полезным орудием. А мне необходимо подобное вспомогательное средство в моих намерениях относительно его. Ах! Что это, амулет? Нет, именем Парацельса, маленький золотой ключик античной формы, на такой же цепочке, по превосходной отделке которой видно, что она из Венеции. Ах! Прелестная девушка, в моих руках разгадка вашей жизни, которой я со временем воспользуюсь. С вашего позволения, я возьму ключ.

И Руджиери, который никогда не стеснялся в средствах для достижения своих целей, не колеблясь снял цепочку и приготовился спрятать ее, как вдруг был встревожен знаками своего черного слуги.

Звук, изданный карликом, походил на шипение змеи, застигнутой врасплох. Все звуки, издаваемые несчастным созданием, ограничивались смехом и свистом: первым он выражал радость, вторым страх. Астролог очень хорошо понял значение данного звука. Следуя направлению красных сверкающих глаз карлика, он увидел человека, на которого маленькое взбешенное чудовище тарщило глаза, шипело и плевало, как сова, захваченная в дупле куницей. Незнакомец был в маске и закутан в широкий черный плащ. Не успел еще Руджиери спрятать цепочку, как вновь пришедший был уже возле него.

Маска

Астролог не мог скрыть своего смущения. Он рассматривал незнакомца в маске с недоверием, смешанным со страхом.

– Не волнуйтесь, – обратился замаскированный человек к Руджиери, – я друг!

– Чем вы докажете? – отвечал астролог с подозрительностью. – В вашем голосе, я согласен, слышится честность, но ваша одежда и манеры не способны внушить доверия. Мы не в Венеции, сеньор, и карнавал еще не наступил; ваш костюм здесь не приветствуется, как в столицах по ту сторону гор. Добрые граждане Парижа находят, что маска не оправдывает постороннего вмешательства, и я достаточно жил среди них, чтобы уяснить для себя некоторые из их, может быть, глупых взглядов на этот счет. Простите, сеньор, если я к вам несправедлив. Частые вероломства сделали меня благоразумным и отчасти недоверчивым.

– Хотя вы правы, – возразила маска, – и благоразумие является принадлежностью вашего возраста и вашего характера, однако же мне кажется, что наука, которой вы занимаетесь, поможет вам отличить друга от врага.

– Я не могу читать сквозь маску лица людей, сын мой, – отвечал Руджиери. – Это было бы все равно, что глядеть через темное стекло. Кто же наблюдает звезды с завязанными глазами? Откройте ваше лицо, и я скажу вам, тот ли вы, за кого выдаете себя.

– Вы оскорбляете меня своими подозрениями, – возразила маска. – Повторяю, я ваш друг. Вы меня хорошо знаете, в чем вы получите полное удостоверение. Вы убедитесь также, что я имею некоторые права на услугу, которой я требую. Но так как я нуждаюсь в величайшей тайне и открытие лица моего или даже имени сопряжено с опасностью, то вы, надеюсь, позволите мне сохранить инкогнито.

– Уверяю вас, – отвечал Руджиери, вновь обретший свою самоуверенность, – я несколько не желаю проникнуть в вашу тайну. Если бы я желал этого, то давно бы узнал ее. Требуется большое притворство тому, кто хочет обмануть проницательность Козимо Руджиери. Но перейдем к делу. Этот молодой человек, – Руджиери поспешно поправил одежду юной венецианки, – нуждается в моей помощи. Скажите, что угодно вам от меня?

– Прежде чем продолжать, – возразила маска, – я прошу вас принять кошелек в знак моей искренности. Он вам даст более полное и верное понятие о моем характере, чем мои черты.

Говоря это, он положил полный кошелек в руку астролога, который, не колеблясь, его принял.

– Ваши слова справедливы, сын мой, это лучшее средство отличить настоящих друзей от ложных. Лицо может быть обманчиво, но здесь нет ничего поддельного, – продолжал он, взвешивая в руке туго набитый кошелек.

Одновременно он поручил свою ношу Эльбериху.

– Чем могу вам служить? Все, что в пределах моего знания, к вашим услугам!

– Одним словом, – отвечала маска, – я люблю...

– А, понимаю! – прервал многозначительным голосом Руджиери. – Вам не отвечают взаимностью.

– Вы угадали!

– И вы хотели бы покорить сердце той, о которой вздыхаете. Так ли это, сын мой?

– Совершенно так!

– Будьте уверены в успехе. Будь она холодна, как снега Кавказа, я берусь воспламенить ее сердце огнем, более пылким, чем тот, который зажигает пояс Венеры.

– Поклянитесь мне, что вы это сделаете!

– Клянусь Оримазом, она будет принадлежать вам.

– Довольно, я верю!

– Назовите мне имя девицы, место ее жительства!

– Ни то ни другое не нужно. Она здесь.

И маска указала на молодую венецианку.

– Ябамиах! – воскликнул астролог. – Этот молодой человек... это...

– Я все знаю, – отвечала маска. – Не притворяйтесь! Я был свидетелем сделанного вами открытия.

– И... вы ее любите?

– Люблю ли я ее! – воскликнула маска. – Выслушайте меня, – продолжал он с горячностью. – Вам, уроженцу нашей огненной страны, не надо говорить, как пламенно любим мы, итальянцы. Я преследовал эту девушку со всем жаром непреодолимой страсти, но она оставалась глуха к моим мольбам, к моим клятвам, к моим уверениям. Напрасно прибегал я ко всем обольщениям, ко всевозможным уловкам, напрасно делал ей подарки, которые бы снискали мне любовь принцессы. Все мои усилия были напрасны: для меня она не имела ни сердца, ни улыбки, ни любви. Более того, сила моей страсти ее пугала. Равнодушие ее обратилось в страх, страх в ненависть. Она возненавидела меня. В некоторых сердцах ненависть очень скоро переходит в любовь, но у нее этого нет. Должен ли я вам сознаться? Она чувствовала ко мне отвращение, она отклоняла все мои знаки внимания, избегала моего присутствия, не могла меня видеть. Оскорбленный, доведенный до крайности моей отвергнутой страстью, я составил план, который, если бы удался, отдал бы ее в мою власть. Не знаю, каким способом открыла она мои намерения и спаслась бегством. Ее бегство увеличило мои страдания, я совершенно обезумел! В то время как я погрузился в беспредельное отчаяние, я вдруг получил известие, что она в Париже. Я приехал сюда, искал ее где только можно и, наконец, выследил, несмотря на ее переодевание. Я блуждал около ее жилища, повсюду следовал за нею как тень в надежде, что наконец представится благоприятный случай, и теперь, когда менее всего ожидал, я нашел то, что искал. Минута настала, она в моей власти! Она моя!

И маска готова была схватить бесчувственную девушку, если бы ее не удержал астролог.

– Препятствие еще существует, сын мой, – холодно сказал Руджиери. – У вас есть соперник.

– Соперник? – повторила маска.

– Опасный соперник.

– Назовите его!

– Для кого сплела она венок? Для кого она пожертвовала жизнью?

– Для кого же?

– Для Кричтона!

– Будь он проклят! Ясно, что она его любит! Но он не любит и не знает ее, да и никогда не узнает. Они не должны больше встречаться. Но мы только даром теряем время. Отдайте мне эту девушку.

– Возьмите назад ваш кошелек, – отвечал с твердостью Руджиери. – Я не буду помогать вам в этом деле.

– Как! – вскричала маска. – А ваша клятва?

– Это правда, но я не знал, в чем клялся!

– И все-таки вы связали себя этой клятвой, если может что-либо обязывать человека с такой эластичной совестью. Какое участие могла внушить вам эта девушка? Неужели Кричтон уже успел подкупить вас? Или, может быть, вы надеетесь, что сделка с ним будет выгоднее? В таком случае...

– Довольно оскорблений, сеньор маска, – отвечал Руджиери. – Меня трудно вывести из себя, как видите, но коль это случится, я нелегко успокаиваюсь, что вы могли бы испытать на себе, если бы вам удалось возбудить мой гнев. Я не друг Кричтона, и эта девушка для меня посторонняя. Кроме случайного открытия ее пола и сообщенных вами подробностей, я ничего

о ней не знаю. Но случай отдал ее под мою защиту, и я сумею защитить ее от насилия, подобного вашему. Я бы обесчестил мои седые волосы, если бы поступил иначе. Возьмите свой кошелек, сеньор, и не говорите более об этом ни слова.

– Замолчи, старый хитрец! – воскликнула маска. – Не думай обманывать меня своей напускной щепетильностью. Я слишком хорошо знаю тебя. Для чего я буду унижаться до просьб, когда могу приказывать? Одно мое слово, один знак, и ты будешь брошен в темницу, привязан к колесу, откуда не в состоянии будет спасти тебя даже могущественная рука Екатерины Медичи. Среди всех живых существ я тот, кого ты должен наиболее страшиться, Руджиери, но из всех орудий беззакония ты самое для меня необходимое. Тебе нечего бояться, если ты будешь служить мне, но трепещи, если вздумаешь ослушаться. Моя месть будет быстрее и вернее твоей.

– Кто же вы, во имя дьявола, что осмеливаетесь так говорить со мной? – спросил астролог.

– Если бы я был сам дьявол, ты не более бы ужаснулся, открыв, кто я, – возразила маска. – Этого с тебя достаточно, не пытайся узнать обо мне больше.

Гордый, повелительный тон, которым вдруг заговорила маска, произвел свое действие на астролога, но он делал усилия, чтобы казаться спокойным.

– Что же сделаете вы, если я откажусь повиноваться? – спросил он.

– Я обвиню вас, – шепнула маска, – в измене ныне царствующему королю. Поройтесь в сокровеннейших уголках вашего сердца, Руджиери, и припомните самые ужасные ваши тайны. Припомните существующие еще улики ваших гнусных злодейств и того, кто мог бы быть вашим обвинителем.

– Существует только один человек, – простонал Руджиери, – который мог бы обвинить меня, и этот человек...

– Перед вами!

– Это невозможно! – с недоверием воскликнул Руджиери.

Тогда маска шепнула ему на ухо одно имя. Руджиери вздохнул и задрожал с головы до ног.

– Этого достаточно! – сказал он после минутного молчания. – Приказывайте, что вам заблагорассудится, благородный сеньор! Моя жизнь принадлежит вам.

– Мне не нужна твоя жизнь, – с презрением отвечала маска. – Отдай мне эту девушку. Но погоди! Я здесь не один. Нет ли у тебя такого убежища, где бы она могла пользоваться твоим искусным лечением, будучи скрыта от всех поисков Кричтона, и где бы ты мог подвергнуть ее действию магических чар, о которых ты мне говорил?

– Да, сеньор, – отвечал Руджиери после минутного размышления, как бы пораженный какой-то мыслью. – Я отведу ее в таинственную башню возле Суассонского отеля, которая доступна только ее величеству Екатерине Медичи и мне. Там она может оставаться до тех пор, пока вы сообщите мне ваши дальнейшие пожелания. Но возможно ли, чтобы эта девушка отвергла вашу любовь? Мне кажется, она должна была бы радоваться вашему предпочтению. Клянусь Оримадом, здесь что-нибудь не так. Вы, может быть, околдованы, благородный сеньор. Император Карл Великий⁴⁴ был подобно вам рабом отвратительной ведьмы, и теперь мне пришел на память ключ странной формы, который я нашел у нее на груди. Может быть, в нем заключаются чары. Это должен быть могущественный талисман, я его подвергну испытанию. Во всяком случае, нам необходимо противопоставить этому талисману наши собственные чары, и я заменю его восковым изображением вашего...

⁴⁴ *Карл Великий* (742–814) – король франков, основатель Западной Римской империи, один из величайших монархов Средневековья. В результате его завоеваний образовалась огромная держава, включавшая в себя современные Францию, Германию, Италию, Швейцарию, Австрию, Чехию, Бельгию, Нидерланды, частично Венгрию, Польшу и Югославию. Он добился превосходных результатов как на военном поприще, так и в области законодательства, внутреннего устройства государства и его просвещения.

– Как хочешь, так и делай! – прервала маска. – Ага! Она шевелится. Скорей! Мы попусту теряем время.

Уже несколько минут как астролог и его товарищ заметили, что венецианка возвращается к жизни. С глубоким вздохом приподняла она веки своих больших томных глаз и устремила их черные зрачки на Руджиери и Эльбериха.

Первый в ту минуту, как она очнулась, стоял, нагнувшись над ней, последний поддерживал ее в своих руках.

Сидя на корточках и обнимая своими голыми желтыми руками стан молодой девушки, отвратительный карлик казался посланцем Эблиса на погибель чьей-либо чистой души. Страх стал овладевать девушкой по мере того, как она переводила взгляд с одного из них на другого. То, что она видела, казалось ей сновидением. Напрасно Руджиери слегка прикрыл ее рот ладонью, она еще не могла осознать ни своего собственного положения, ни необходимости молчания. В эту минуту глаза ее устремились на человека в маске, мрачная фигура которого, прислонившаяся к контрфорсу стены, принимала сверхъестественные размеры в расплывчатом свете наступавших сумерек. С диким смехом указала она на этого мрачного вида человека и прошептала несколько бессвязных слов.

– Унесите ее скорее! – воскликнула маска. – К чему слушать эти бредни! Уведите ее в башню!

– Этот голос! – закричала молодая девушка, вдруг становясь на ноги и проводя рукой по глазам. – Это... это должен быть он! Где я? Ах!..

– Схватите ее! – закричала маска.

– Он меня преследует даже в минуту смерти! – вскричала в отчаянии молодая девушка. – Я умираю и не могу от него скрыться! Спасите меня от него, Кричтон! Спасите меня!

И она с пронзительным криком вырвалась из рук Руджиери.

– Убежала! – вскричала маска, напрасно стараясь удержать ее. – Бездельник! Ты нарочно выпустил птичку, попавшую в сеть! Руджиери, ты ответишь мне за это своей жизнью.

– Птичка только расправила крылья, – отвечал астролог, – и мы снова поймем ее.

В эту-то минуту Кричтону и показалось, что он слышит голос джелозо. Подобно легкой лодочке, бросаемой из стороны в сторону движением волн, девушка, ослабевшая от раны, старалась пробиться сквозь мятежную толпу, не обращавшую никакого внимания на ее жалобные крики.

– Бедняга! – кричал один из студентов, – он обезумел от своей раны! Ступай прочь, молодой безумец! Кричтону некогда обращать внимание на твои крики, у него и своих дел слишком много! Ему еще нужнее помощь, чем тебе! Видишь это зеленое перо? Видишь битву, которая кипит вокруг него? Ну так это перо принадлежит Кричтону. Будь благоразумен, не ходи туда, там удары сыпятся, как град, их хватит и на твою долю. Ступай лучше назад и там поищи защиты.

Молодая девушка увидела высокую фигуру шотландца, на которую указывал ей студент, окруженный толпой, и в ту же минуту Кричтон обратил глаза на прелестную венецианку.

«Это голос джелозо, – сказал он себе. – Зачем он идет сюда один?»

– Эй! Назад, господа! Берегитесь! – рявкнул он на теснившихся перед ним студентов.

– Спасите меня, Кричтон! – кричала между тем венецианка. – Спасите меня!

Сплошная толпа студентов удерживала Кричтона.

– Дайте дорогу! – закричал он, не пугаясь их численности, и, потрясая над головой бывшей у него в руках полосой железа, кинулся в сторону венецианки.

Молодая девушка увидела его приближение, она увидела, что студенты уступали его непреодолимым усилиям, она услышала его ободряющий крик, но в ту минуту, когда ее сердце забилося надеждой, когда она уже видела себя под охраной его могучей руки, она вдруг почувствовала, что кто-то схватил ее.

Она подняла голову. Ее взгляд встретился с черными зрачками, горевшими в отверстиях маски. Сознание ее помутилось, и девушка без чувств рухнула на землю.

Между тем Кричтон храбро продвигался вперед. Новые затруднения преграждали ему дорогу, новая толпа упорно его задерживала, но наконец все препятствия были устранены и он достиг того места, на котором видел джелозо, однако оно было пусто. Взрыв насмешек студентов указывал, как их потешало его разочарование.

– Вы слишком поздно пришли на помощь к вашему спасителю, – послышался голос из толпы. – Он вне вашей власти, в руках человека, у которого нелегко его отнять. Ваш противник оказался сильнее вас, сеньор, и не моя вина, если вы всегда будете встречать камень преткновения на своей дороге. *Bezo los manos*⁴⁵, сеньор.

Повернув голову в ту сторону, откуда слышался голос, Кричтон увидел удалявшегося Каравайя.

– Клянусь всеми моими надеждами на возведение в рыцарское достоинство, – прошептал он, гордо осматриваясь кругом, – я бы отдал все лавры, приобретенные мною сегодня, за избавление этого молодого человека от его врагов. Его крики, его тревожные взгляды... Думаю, ему грозит величайшая опасность. Да будут прокляты эти чертовы студенты! Теперь нужны исполинские усилия, чтобы продолжать розыски в такой сумятице, но, несмотря на это, я бы охотно продолжал их, если бы была малейшая надежда на успех. Для чего Руджиери, который с такой охотой принял на себя заботу об этом раненом молодом человеке, покинул его в такой опасности? Старый астролог объяснит мне причину своего поступка! Был ли это недостаток благоразумия или отсутствие человеколюбия?

Размышления Кричтона были внезапно прерваны криками стрелков и лошадиным топотом. После кратковременного бесполезного сопротивления студенты, как мы уже сказали, бросили оружие и, прося пощады, разбежались во все стороны. Кричтон остался один. Виконт Жуайез, гонявшийся за этой толпой и успевавший кое-где схватить пленника, которого он тотчас же сдавал солдатам, как только увидел его, направил к нему своего коня.

– Слава Богу и Святой Богородице! – весело воскликнул он. – Вы невредимы, сеньор Кричтон! Клянусь моим гербом! Было бы пятном для всего рыцарства, если бы его совершеннейший представитель погиб среди мятежа подобных негодяев. За каждую царапину, которую бы вам сделали, они поплатились бы своей жизнью. Если ректор не накажет своих необузданных детей, наши сержанты возьмут этот труд на себя и научат его, как следует наказывать. Но взгляните, вот ваш паж, ваш конь фыркает от радости, увидев хозяина. Ах, Кричтон, лихой конь и прелестный паж – залогом благосклонности царственной особы. Вы дважды счастливчик!

– Трижды счастливчик, Жуайез, имеющий подобного брата по оружию, который бросился ко мне на помощь в минуту крайней опасности, – отвечал Кричтон, говоря таким же беспечным голосом, как и его товарищ, и вскакивая на великолепного коня в богатой сбруе, подведенного ему прелестным пажом, под которым была белая парадная лошадь. Паж был одет в белую атласную куртку и темно-голубой бархатный плащ – цвета Маргариты де Валуа. – Я думаю, – продолжал со смехом Кричтон, – что это поле битвы, так храбро оспариваемое, осталось наконец за нами, и все-таки я готов заплакать при мысли, что хотя и совершил более чудесные подвиги, чем самые доблестные бойцы романов, Тристан и Лаунфаль, Гуон и Парненопес, когда они сражались против волшебных адских сил, но мои победы покажутся ничтожными таким храбрым рыцарям, как те, которые находят, что нет никакой славы одерживать верх в подобных столкновениях, хотя и очень опасных. Поверьте мне, легче было бы справиться с целым легионом черных гномов с волшебницей Ургандой во главе, чем с этой бессовестной челядью. Мне выпало на долю одержать победу над этим университетом красноречием и шпагой, и, уверяю вас, я предпочитаю оружие учителей оружию учеников и более горжусь побе-

⁴⁵ Целую ручки (*исп.*).

дой (если позволительно так выразиться) над этими неопитами с медными лбами и палками в руках, которые очень трудно поддаются убеждениям, чем победой, одержанной мной над их учеными профессорами. Но пора вспомнить о моем злополучном земляке, ставшем причиной всех этих беспорядков. Мне кажется, я вижу его вместе с верным союзником в самой середине этого водоворота. Поедемте, Жуайез, я хочу говорить с ними.

В несколько прыжков конь Кричтона оказался возле Огильви и Блунта. Этот последний, видя, что борьба окончена, приказал своей собаке отойти от бернардинца, но, решив, что она недостаточно усердно повинется, подтвердил свое приказание ударом сучковатой дубины, который и произвел желаемое действие. Друид выпустил студента и с сердитым урчанием уселся у ног хозяина.

– Мы завтра увидимся, Огильви, – сказал Кричтон, – и если когда-нибудь я могу быть вам полезным, то прошу вас располагать мной. А пока вам нечего опасаться. Вы не откажете ему в вашем покровительстве, Жуайез?

– Без сомнения, – отвечал виконт. – Клянусь Богородицей! Храбрый шотландец будет зачислен в мою роту, если он захочет променять свою куртку из серой саржи на стальные латы. Он не первый из своих соотечественников найдет эту перемену очень для себя выгодной.

– Я обдумаю ваше предложение, виконт, – отвечал Огильви с благоразумием, являющимся отличительной чертой его нации, – но, во всяком случае, примите мою искреннюю благодарность за него.

– Как хотите, – отвечал с надменностью Жуайез. – Благодарите не меня, а сеньора Кричтона. Одному ему вы обязаны моим предложением.

– Он сам не знает, от чего отказывается, Жуайез, – возразил Кричтон. – Завтра я поговорю с ним об этом. Теперь же, – продолжал он, – мне хотелось бы поближе познакомиться с вашим храбрым товарищем, которого, судя по его сложению, выговору и собаке, я принимаю за англичанина.

– Я действительно англичанин, – отвечал Блунт, – но не заслуживаю эпитета, которым вы меня почтили. Если бы вы отнесли его к моей собаке, он был бы вполне справедлив. Для меня же он совершенно неуместен. Друид имеет претензии на храбрость, он никогда не посрамит свою родину. Но так как вы удостоили меня вашим вниманием, благородный сеньор, то пожмем друг другу руки в залог нашей зарождающейся дружбы, если, впрочем, не слишком самонадеянно с моей стороны придавать это название вашим чувствам ко мне. Вы найдете, если вам понадобится, в Симоне Блунте и в его собаке, так как я никогда не отделяю от себя Друида, который часть меня самого, – и, без сомнения, лучшая часть – двух преданных вам существ, на которых вы можете положиться. Мой девиз: смелость и верность.

– Он искренен и говорит от сердца, – отвечал Кричтон, с жаром пожимая широкую руку, протянутую ему англичанином. – От всего сердца принимаю ваше предложение. Приходите завтра в мой отель вместе с Огильви и не забудьте привести с собой этого нового и верного союзника.

– Непременно, – отвечал Блунт, – мы с Друидом очень редко расстаемся.

Разговор был прерван внезапным появлением шута Шико, насмешливое и лукавое лицо которого вопреки обыкновению имело несколько серьезное выражение.

– Ага! – сказал Кричтон. – Что значит этот важный вид? Уж не потерял ли ты свою погремушку во время битвы?

– Хуже того, – возразил Шико, – я потерял свою репутацию. Ты честно заслужил мою шапку и мои побрякушки и будешь достойно носить их, потому что превосходишь меня мудростью. Но наклони ко мне свою благородную голову, мне надо шепнуть тебе на ухо один секрет.

И, приблизившись к Кричтону, шут сказал ему несколько слов тихим голосом.

– Как! – вскричал Кричтон, который, казалось, был удивлен известием, переданным ему шутом. – Ты уверен, что этот джелозо...

– Тсс! – прошептал шут. – Который из нас оказывается теперь дураком? Не хотите ли вы открыть ее тайну?

– И маска завладела ею? – продолжал Кричтон. – Чьи же черты скрыты под этой маской?

– Не знаю, – отвечал Шико, – может быть, это Гиз или Беарнец⁴⁶, а быть может, и сам антихрист, – это все, что я могу сказать. Но уверяю тебя, что это не Анрио, не ты и не я, ни даже сеньор Жуайез. Я не скажу того же о нашей царственной ведьме Екатерине, хотя легко может случиться, что она-то и есть виновница похищения.

– Но ты говоришь, что Руджиери...

– Был с ней. Я его видел вместе с его карликом Эльберихом. Оба помогали маске.

– Черт возьми! Этот проклятый астролог поплатится...

– Берегись! Руджиери хотя и не очень надежный друг, зато очень опасный враг. Бойся его. Мы с ним никогда не чокались без того, чтобы мой стакан не разбивался и вино не разливалось. Берегись!

– Его уже больше нет здесь, говоришь ты?

– Конечно.

– Я пойду к нему в башню и заставлю его объяснить мне тайну маски и девушки.

– Эта башня – логовище волчицы Екатерины. Будь осторожен! Многие погибли в западне, из которой хотели выйти невредимыми. Но поступайте, как вам заблагорассудится. Умные не любят следовать советам дураков.

– Прощайте, господа, – сказал Кричтон, – не забудьте наших предложений на завтрашний день. Жуайез, мы увидимся с тобой сегодня вечером на празднике.

С этими словами Кричтон вонзил шпоры в бока коня и в сопровождении своего пажу пустился галопом с горы Святой Женевьевы.

Шико пожал плечами.

– Я вижу, что поколение странствующих рыцарей не совсем еще угасло, – прошептал он. – Наш Кричтон опоздал по меньшей мере на целое столетие, ему бы следовало жить в доброе старое время при моем предшественнике Трибуле⁴⁷ и его рыцарском господине Франциске I⁴⁸. Он просто-напросто запутался в шелковых сетях этой черноволосой сирены. Что скажет наша прекрасная возлюбленная Марго, если это новое приключение дойдет до ее ревнивого слуха? Но мне необходимо быть в Лувре. Эта битва школьников рассеет хандру Генриха, и, чтобы убить время при спуске с этого Парнаса Святой Женевьевы, я займусь стихотворением в честь дивного Кричтона. Уф! Уф! – закричал шут. – Я задыхаюсь.

⁴⁶ *Беарнец* – здесь и далее: сам Генрих IV, родившийся в Беарне.

⁴⁷ *Трибуле* – знаменитый шут французских королей Людовика XII и Франциска I. Его настоящее имя было Ферраль.

⁴⁸ *Франциск I* (1494–1547) – французский король с 1515 г. Будучи ревностным католиком, инициировал начало во Франции религиозных гражданских войн, продолжавшихся почти сто лет. Покровительствовал искусствам, всячески способствовал расцвету культуры Ренессанса во Франции.

Книга вторая

Двор Генриха Третьего

Эту ночь в Лувре женственным и сладострастным государем устраивался большой праздник, на который был приглашен весь блестящий двор, не имевший себе равных в Европе как по красоте и числу дам, принятых ко двору, так и по храбрости и любезности молодых дворян, украшавших его своим присутствием. Генрих III так же страстно любил легкомысленные забавы – праздники, балеты, маскарады, – как его брат и предшественник Карл IX игру в мяч и охоту. Празднества его были роскошны и так непрерывно следовали одно за другим, что он почти все свое время посвящал устройству этих великолепных зрелищ. Празднества по случаю женитьбы его фаворитов поглощали громадные суммы, и его необузданные сумасбродства часто совершенно опустошали государственную казну. В то время как государство стонало под тяжестью постоянно возрастающих налогов, на этих оргиях господствовала такая безграничная распущенность, что она приводила в соблазн и негодование самых почтенных граждан Франции, чем очень искусно пользовались враги короля.

За два года до нашего рассказа Генрих устраивал праздник своему брату, герцогу Алансонскому⁴⁹, на котором присутствовали дамы, одетые в мужские платья зеленого цвета, до половины обнаженные, с распущенными волосами, как новобрачные. Расходы на этот праздник превышали сумму в 100 000 ливров. В декабре 1576 года, как мы видим из дневника его царствования, он отправился под маской в отель Гиза в сопровождении тридцати дам, принадлежавших его двору, одетых в роскошные платья из шелковых и серебряных тканей, унизанные жемчугом и драгоценными камнями, и такие безобразия происходили на этом празднике, что дамы и девицы, державшие себя поскромнее, вынуждены были удалиться из-за вольного обращения масок, так как, – многозначительно замечает Пьер де л'Этуаль⁵⁰, автор дневника, – если бы стены и обои могли говорить, они порассказали бы презабавные подробности. Позднее, в 1584 году, в немецкую масленицу, Генрих в маске вместе со своими фаворитами бегал по улицам, предаваясь таким невероятным сумасбродствам и такому нахальству, что на другой день был публично осужден всеми парижскими проповедниками.

Луиза Лотарингская⁵¹, его супруга, принцесса с кротким, но слабым характером, совершенно лишенная честолюбия (поэтому-то ловкая Екатерина Медичи, постоянно опасавшаяся соперничества вблизи трона, и выбрала ее, как самую подходящую, в супруги своему сыну), но наделенная слепой покорностью, никогда не сопротивлялась желаниям своего царственного супруга, хотя редко участвовала в его празднествах. Ее тихая жизнь проходила в молельне, в саду, в монастырях разных братств и других духовных учреждениях и в ее уединенных покоях. Ее женские увлечения сводились к вышиванию и чтению молитвенника, одежда ее была из самой простой материи, преимущественно из сукна, и хотя цвет ее лица дошел до смертельной бледности, но она никогда не соглашалась пользоваться румянами. В своих ближайших служителях и фрейлинах она ценила благочестие и скромность гораздо больше, чем блестящие наружные качества. Сохранилось множество ее остроумных, очень забавных, и особенно одна, сказанная жене президента, которая, всегда расфранченная и разодетая с неслыханной роскошью,

⁴⁹ Герцог Алансонский – первоначальный титул герцога Анжуйского.

⁵⁰ Л'Этуаль Пьер (1546–1611) – знаменитый французский хроникер и мемуарист; оставил очень точное и подробное описание событий своего времени.

⁵¹ Луиза де Водемон Лотарингская (1553–1601) – французская королева с 1575 г., жена Генриха III, троюродная сестра знаменитых герцогов Гизов.

не хотела признавать королеву в ее скромном костюме. Но, судя по всему, она была слишком слабого и покорного характера и недостаточно умна, чтобы принести какую-либо пользу государству или исправить недостатки государя, своего супруга, и, без сомнения, в высоком своем сане нашла гораздо больше горя, чем радостей. Ее несчастья были даже воспеты в стихах иезуитом Лемуаном. Но, вероятно, самое тяжелое ее горе состояло в том, что она не имела детей. Положение, которое должна была бы занимать Луиза де Водемон, было захвачено королевой-матерью, с излишеством одаренной теми качествами, которых не доставало ее невестке. Она вертела своими сыновьями, как марионетками: они занимали трон, но она управляла государством. Ее сердце, казалось, было отлито из бронзы или стали. Ловкая, скрытная интриганка, она постоянно изучала Макиавелли⁵². В управлении государством она придерживалась такой скрытности, что никто не мог угадать, к чему она стремится, пока не обнаруживались последствия ее действий. Унаследовав многие благородные свойства рода Медичи, она, подобно Борджиа, была неумолима в ненависти, не останавливаясь, как и члены этого ужасного семейства, для достижения своих целей даже перед узами кровного родства. Народная молва обвиняла ее в таинственной смерти, посредством которой два ее старших сына были устранены с дороги третьего, ее любимца, и впоследствии говорили, что она также не была в стороне от внезапной смерти принца Алансонского, который умер в Шато Тьерри после того, как понюхал букет отравленных цветов. Фуану говорит следующее о вскрытии тела Карла IX: смерть Карла IX была ужасна, но внушаемый ею ужас был бы еще сильнее, если бы мы наверняка знали, что эти жестокие страдания были делом рук его матери.

Двор Екатерины Медичи – на самом же деле двор ее сына – состоял из трехсот прелестнейших девушек, принадлежавших к самым благородным фамилиям Франции. Окруженная этой фалангой красавиц, Екатерина сознавала себя всемогущей. Она наказывала своих фрейлин только за те проступки, которых нельзя было скрыть, как это и случилось со злополучной девицей де Лимель. Глубоко изучив человеческое сердце, она знала, что самые непреклонные не могут устоять против женских ласк, и, окружив себя этим избранным дамским кружком, она с их помощью расстраивала все планы своих врагов и, пользуясь их влиянием, которого никто не остерегался и которое распространялось на весь двор, узнавала самые сокровенные тайны всех партий. Вследствие глубокой скрытности ее поступков характер Екатерины представлял загадку, которую напрасно старался бы разгадать историк, равно как напрасно стал бы он отыскивать тайные пружины ее действий. Ханжа, со слепым и вместе с тем скептическим суеверием, предававшаяся – если верить ее врагам – даже поклонению языческим божествам; гордая и неспособная на какое-либо унижение любящая жена-итальянка и, однако же, не выказывавшая никакой ревности из-за непостоянства мужа; нежная мать, между тем заслужившая обвинение в том, что для воплощения своих честолюбивых планов пожертвовала тремя из своих сыновей; строгая в соблюдении этикета и, несмотря на это, часто допускавшая небрежное к нему отношение; надменная и мстительная, но, однако, никогда не обнаруживавшая ни малейшим нетерпеливым жестом своих ощущений, скрывавшая свое негодование под личиной абсолютного спокойствия. Ее предполагаемый характер и ее поступки находились в постоянном противоречии.

Лучший ее портрет, кажется, содержится в следующей сатирической эпитафии, появившейся сразу после ее смерти:

*Здесь лежит королева,
бывшая в одно время демоном и ангелом,
Достойная полнейшего осуждения и величайшей похвалы.*

⁵² *Макиавелли* Никколо (1469–1527) – итальянский политический мыслитель, дипломат, писатель; видел главную причину бедствий Италии в ее раздробленности, преодолеть которую способна лишь сильная государственная власть; ради упрочения государства считал допустимыми любые средства.

*Она поддержала государство и вместе с тем погубила его;
Она устраивала тысячи примирений и не меньше ссор;
Она произвела трех королей и три междоусобные войны;
Строила замки и разрушала города;
Издала много хороших законов и дрянных постановлений.
Пожелай ей, прохожий, рая и одновременно ада.*

Однако же Екатерина обладала редким даром: она постоянно и терпеливо совершенствовалась. Она уважала науку и почитала ученых; упражнялась в разных искусствах и была лучшей наездницей своего времени. Женщины обязаны ей устройством рожка у седла для поддержания ноги (прежде дамы при верховой езде держались на одной подножке), моду эту она ввела в употребление для того, чтобы лучше продемонстрировать дивную соразмерность своего телосложения. Если Екатерина была живой парадокс, то и сын ее – Генрих III – был одарен противоположными свойствами и подавал в юности блестящие надежды, которым не суждено было осуществиться в зрелые годы.

Победитель при Жарнаке⁵³ и Монконтуре⁵⁴, предмет зависти всей воинственной молодежи своего времени, кумир воинов, приобретших славу во многих сражениях, государь, избранный Польшей⁵⁵, государственный муж, наделенный здравым смыслом, оратор, владевший красноречием легким и приятным, одаренный мужеством, врожденной грацией и красотой, искусный во всех физических упражнениях – в турнирах, на манеже и в фехтовальном зале, – этот благородный рыцарь, как только вступил на престол Франции, впал в сладострастную беспечность, из которой никогда не выходил, исключая весьма редкие случаи. Сила его ума, его твердость, мужество, моральное и физическое совершенно исчезли под влиянием распутной жизни, которой он предался.

Управляемый матерью и своими фаворитами, которые были главными противниками Екатерины и постоянно пугали ее своим влиянием на Генриха, преследуемый герцогом Гизом, который даже не брал на себя труда скрывать свои виды на престол, возбуждающий недоверие лигистов, предводителем которых он был, внушающий ужас гугенотам, которых он всегда неумолимо преследовал и которые с отвращением вспоминали его жестокости во время ужасов Варфоломеевской ночи⁵⁶, ужасающей трагедии, в которой он был, по его собственному признанию, одним из главных действующих лиц, восставший против себя папу и Филиппа II Испанского (своего шурина), которые оба сочувствовали Гизу в войне с Генрихом Наваррским, и во вражде со своим братом герцогом Алансонским, громимый Сорбонной, преследуемый нападениями одного из ее докторов, который в своем памфлете старался доказать необходимость свержения его с престола, Генрих, с колеблющейся на голове короной, внешне воплощал полное равнодушие и не отказывался ни от одного из своих удовольствий или обрядов благочестия (у него благочестивые обряды очень походили на забавы: молельня и бальный зал, обедня и маскарад соприкасались один с другим). Генрих не желал слушать своих советников и только тогда стряхнул с себя сладострастную бездеятельность, когда недруги хотели вооруженной рукой лишит его престола. Тогда – лишь на минуту – он показал себя настоящим королем. Однако мы не будем касаться этого периода его царствования, но опишем то время, когда этот изнеженный монарх утопал в праздности и удовольствиях.

⁵³ *Жарнак* – сражение 13 марта 1569 г., в котором королевская армия под командованием брата короля герцога Анжуйского, будущего Генриха III, разгромила армию гугенотов, предводительствуемую Людовиком Конде.

⁵⁴ *Монконтур* – сражение 30 октября 1569 г. во время религиозных войн во Франции, в котором протестанты потерпели сокрушительное поражение и почти все пали на поле боя.

⁵⁵ С 18 февраля по 19 июня 1574 г. Генрих III был королем Польши.

⁵⁶ *Варфоломеевская ночь* – массовая резня гугенотов католиками в ночь на 24 августа 1572 г. (день святого Варфоломея) в Париже, организованная Екатериной Медичи и Гизами.

В ту ночь, о которой идет речь, он собрал в роскошных галереях своего дворца самых красивых женщин и самых лучших кавалеров столицы. Екатерина Медичи также присутствовала на празднике с блестящим роем своих красавиц. Маргарита Валуа, прелестная королева Наваррская, двадцати семи лет от роду, в полном блеске красоты, также находилась там со своей свитой. Присутствовала даже кроткая Луиза Водемон со своими скромными и благородными фрейлинами. Все, что было при этом дворе грацией, молодостью, умом, красотой и изяществом, – все соединилось на этом празднестве. Ничто не было забыто из того, что могло придать ему прелести.

Тысячи ароматических ламп разливали благоухание, экзотические цветы наполняли воздух приятным запахом, танцы сопровождалась нежными звуками музыки скрытого оркестра, высокие перья развевались в такт мелодиям, маленькие ножки дам мелькали в разнообразных фигурах танца.

Бал был маскарадный, и, за исключением государя и нескольких любимейших его приближенных, лица всех присутствовавших скрывали маски.

Костюмы были чрезвычайно разнообразны, но выбраны скорее с намерением выставить в полном блеске внешность танцора в наряде, отличном от обыкновенной одежды, чем с причудливостью, отличающей итальянские маскарады или дни карнавала. Огненные глаза, которые казались еще ярче, сверкая как две звездочки сквозь два отверстия красивой маленькой бархатной маски, придававшей больше заманчивости и эффекта розовым губам и атласному подбородку тех, которые их носили, оказывали повсюду свое магическое влияние. Для кокетства всего удобнее маска, при помощи которой говорятся бесчисленные колкие остроты, которые без ее дружеского прикрытия никогда не были бы сказаны или же не достигли бы своей цели. Итак, да будет благословен тот, кто ввел в употребление маску на пользу робкого любовника.

Блестящее общество рассеялось в длинной анфиладе позолоченных зал, то слушая восхитительные звуки гармоничного пения, то окружая столы, где огромные суммы проигрывались в трик-трак, то останавливаясь под аркой из благоухающих цветов или в нишах окон, то принимая участие в роскошном угощении, предложенном в большом зале. Громко раздавались шутки и смех, тихим и нежным голосом шептались слова любви.

Среди блестящей толпы выделялась кучка людей, снявших маски и державшихся немного в отдалении от общего движения. Однако же в этой группе было заметно больше веселья, чем во всех других местах. Разговор этих людей заглушался их смехом, и очень немногие из проходивших мимо них дам и кавалеров, если только походка и черты могли быть узнаны, избегали их язвительных насмешек и саркастических комментариев.

В этой группе был человек, с которым все прочие общались с особенным уважением и благоговением, и можно было подумать, что ради его одного расточалось все это остроумие, поскольку каждая метко сказанная острота заслуживала его одобрения. Этот человек был среднего роста, худощав и немного сутуловат. Его лицо имело неопределенное, но зловещее выражение – что-то среднее между насмешкой и улыбкой. Его черты не были красивы: нос велик, губы толстые, но цвет лица замечательно нежный и свежий; глаза его были не лишены блеска, но взгляд их выражал скрытность, подозрительность, пронырливость. Он носил короткие усы, а остроконечная борода покрывала его подбородок. В ушах были вдеты длинные жемчужные подвески, которые придавали еще более женственности его наружности, а черный головной убор, надетый на самую макушку и прилаженный таким образом, чтобы не растрепать прически его искусно завитых волос, вместо перьев был изукрашен разноцветными драгоценными камнями. Шею его украшало великолепное жемчужное ожерелье и цепь из медальонов, перемешанных с гербами, на которой крепился орден Святого Духа, сверкавший бесценными бриллиантами. И действительно, невозможно было вычислить стоимость драгоценных камней, сверкавших на его одежде, в серьгах и других деталях его великолепного костюма. На поясе его с одной стороны висел кошелек, наполненный маленькими серебряными флаконами

с духами, и шпага с богатым эфесом в бархатных ножнах, а с другой – четки из адамовых голов, которые он всегда имел при себе по данному им обету и которые доказывали смесь набожности или лицемерия и испорченности, составлявшую характер этого господина. Его бархатный плащ каштанового цвета и самого последнего фасона был на палец короче плащей его товарищей. Воротник его был обширных размеров и носил более удачное и подходящее название «ротонды». Его полукафтан, так плотно прилежавший к талии, как только позволяли пуговицы и петли, был великолепно сшит и очень ему шел, точно так же, как и его шаровидные панталоны, раздувавшиеся по бокам, которые, подобно полукафтану, были из желтого атласа. Мы не беремся описывать ни чрезвычайную роскошь его рукавов, ни изящество его ног, обутых в шелковые чулки пурпурного цвета, ни острые носки его атласных башмаков – каждая часть его костюма была изучена.

Генрих III – а это был именно он – обращал, как мы уже сказали, большое внимание на все мелочи туалета и придавал огромное значение нарядам. В день его свадьбы с Луизой Водемон одевание обоих супругов заняло так много времени, что обедню пришлось служить в пять часов вечера, а молебен был пропущен, что считали очень худым предзнаменованием. Он очень гордился своей наружностью и так сильно страшился утратить свежий цвет лица и нежность кожи, что в часы отдыха надевал маску и перчатки, пропитанные разными смягчающими мазями и составами. Очень немногие из дам его двора могли поспорить красотой и малым размером руки с его прекрасной рукой, унаследованной им, равно как и его сестрой Маргаритой Валуа, от матери.

В настоящем случае он, сняв перчатку, вытканную из серебра и шелка белого и телесного цветов, небрежно перебирал тонкими белыми пальцами, украшенными богатыми кольцами, изящные уши маленькой собачки, которую держал Шико, стоявший возле него. Генрих так страстно любил собак, что обыкновенно выезжал в карете, наполненной самыми красивыми их представителями, и подбирали всех собак, которые ему понравились во время прогулки. Монахини часто жаловались на похищение их любимцев, так как монастыри в царствование этого великого любителя собак были более всех других мест снабжены собачьей породой, и он часто обращался туда для пополнения своего зверинца.

Придворные, окружавшие его, были почти так же роскошно разодеты, как и их государь. Справа от Генриха, опиравшегося на плечо своего первого камердинера де Гальда, виднелась величественная фигура маркиза де Виллекье, прозванного *Юный и Толстый*, хотя он не имел никаких притязаний на первый из эпитетов. Рядом стоял его зять, суперинтендант финансов, развлекавший себя пустой забавой в бильбоке⁵⁷, очень распространенной среди тогдашних придворных благодаря пристрастию короля к этой игре. Храбрый Жуайез и гордый д'Эпернон не пренебрегали этим вздорным времяпрепровождением и держали в руках длинные серебряные трубки – сарбаканы, с помощью которых, подобно современным итальянцам во время карнавала, они метали в гостей под масками множество конфет и разных сладостей, причем проявляли большую ловкость в этом занятии. В эту минуту с д'Эперноном разговаривал Франсуа д'Эпинье де Сен-Люк⁵⁸, барон де Кревкер, другой любимец Генриха, не меньше своих товарищей отличавшийся храбростью, почти граничащей с жестокостью. Сен-Люк считался красивейшим мужчиной своего времени, его наградили эпитетом *Красавец*. Возле них было множество слуг и пажей в богатых ливреях.

– Д'Арк, – сказал король Жуайезу мягким и приятным голосом, – не можешь ли ты сказать мне, чье прелестное лицо прячется под маской там, в свите ее величества, моей матери? Оно должно быть прелестно, если губы и шея не обманывают. Ты видишь, про кого я говорю?

⁵⁷ *Бильбоке* (фр. bilboquet) – игра, которая заключается в том, чтобы попасть шариком, привязанным на шнуре к стержню, в чашечку, прикрепленную к тому же стержню.

⁵⁸ *Сен-Люк Франсуа д'Эпинье* (1554–1597) – французский дворянин, фаворит короля Генриха III, активный участник религиозных войн во Франции.

– Вижу, государь, – ответил Жуайез, – и совершенно согласен с вашим величеством, что лицо, которое скрывает эта маска, должно быть божественно. Шея бесподобна, бюст Венеры, но что касается их обладательницы, то хотя льщу себя надеждой, что достаточно знаю всех дам из свиты ее величества и могу угадать девять из десяти, как бы они искусно ни приоделись, но признаюсь, я сбит с толку этой незнакомкой. Ее походка прелестна. Ей-богу! С позволения вашего величества, я пойду узнаю, кто она такая!..

– Постой, – сказал король, – не надо. Сен-Люк сейчас разрешит наши сомнения, он с ней танцевал испанскую павану. Как зовется ваша хорошенькая партнерша, барон?

– Для меня так же затруднительно, как и для вас, государь, назвать ее имя, – отвечал Сен-Люк. – Я напрасно старался разглядеть ее черты, и звук ее голоса мне совершенно неизвестен.

– Как ни ревнует мадам д'Эпинье своего красавца мужа, – сказал, улыбаясь, король (баронесса, по мемуарам того времени, была дурна собой, крива и горбата), – но надо сознаться, что если даже вы, Сен-Люк, не произвели впечатления на прекрасную незнакомку, то кто же из нас может надеяться в этом преуспеть? Это, конечно, не девица де Шатеньере, хотя рост почти одинаков; это не красавица Ла Бретеш, – Виллекье узнал бы ее, как бы она ни переделалась; это не Сюржер, божество Ронсара, не Телиньи, ни Мирандар. Ни одна из них не выдержит с ней сравнения. Какая грация, какая легкость! Она так танцует, будто у нее крылья.

– Кажется, вы увлеклись ею, государь, – сказал Сен-Люк с улыбкой, чтобы показать свои красивые зубы. – Должны ли мы из этого заключить, что девица одержала победу над нашим королем?

– Девица уже одержала другую победу, которой она поистине может гордиться, – вставил Шико.

– Право! – вскричал Сен-Люк. – О ком же это ты говоришь?

– О! Речь идет не о тебе, *прекрасный Франциск*, – отвечал шут. – Ты, как и наш дорогой Анрио, становишься жертвой каждого мимолетного взгляда, и той, которая покорит одного из вас, нечего особенно гордиться. Тот, чью любовь она приобрела, – такой человек, внимание которого лестно для каждой девицы.

– А! – вскричал король. – Я вижу, тебе все известно. Кто же эта девица, и который из моих дворян ее поклонник?

– Кажется, что все, государь, – отвечал Шико, – но если бы мне пришлось назвать самого преданного из ее почитателей, я бы указал на шута вашего величества. Самый предприимчивый – Сен-Люк, самый ветреный – Жуайез, самый степенный – д'Эпернон, самый самонадеянный – д'О⁵⁹, самый толстый – Виллекье, самый отважный – ваше величество...

– И самый счастливый, мог бы ты прибавить, – прервал его Генрих.

– Нет, – возразил Шико. – В делах любви короли никогда не бывают счастливы. Они никогда не имеют удачи.

– Почему же? – спросил, улыбаясь, Генрих.

– Потому что своим успехом они обязаны не себе, но своему положению, а потому его и нельзя назвать удачей. Можно ли назвать удачей приобретение того, в чем нельзя отказать?

– Мой предшественник, великий Франциск, испытал противоположное чувство, – отвечал король. – Он, по крайней мере, был изрядно счастлив в любви, даже и в том значении, которое ты придаешь этому слову.

– Сомневаюсь в этом, – возразил Шико, – и мой предшественник Трибуле был одинакового со мной мнения. Королей всегда узнаешь под их костюмом.

⁵⁹ Д'О Франсуа (1535–1594) – французский дворянин, маркиз, суперинтендант финансов и губернатор Парижа при Генрихе III, его фаворит.

– Я не намерен брать тебя в духовники, – сказал Генрих, – но что сказал бы ты, если бы я сделал попытку с этой прекрасной незнакомкой? Сколько ты прозакладываешь, что я и под маской буду иметь успех?

– Никогда не бросайте своего козыря, – отвечал шут, – это была бы, по правде, жалкая игра. Подойдите к ней королем, если хотите быть уверены в успехе. Но даже и в этом случае я остаюсь при моих сомнениях. Впрочем, я закладываю мой скипетр против вашего, что ваше величество проиграет в первом случае.

– Я в свое время докажу тебе обратное, – возразил король. – Я не привык к поражению, а куда я приказываю тебе сказать мне все, что ты знаешь об этой девице.

– То, что я знаю, можно высказать за один раз.

– Ее имя?

– Эклермонда.

– Хорошее начало. Имя нам нравится. Теперь скажи мне фамилию.

– Черт меня побери! Государь, я не знаю. Она не имеет фамилии.

– Не шути!

– Именем вашего батюшки, великого Пантагрюэля (я никогда не боюсь в шутку), клянусь вам, государь, я говорю серьезно. Прелестная Эклермонда не имеет фамилии. Ей не представится случая совещаться с герольдом относительно своего герба.

– Как это, негодяй? Она же фрейлина нашей матери!

– Извините, государь, но вы желали получить сведения. Я конкретно вам отвечаю. В ее рождении есть какая-то тайна. Эклермонда сирота, гугенотка.

– Гугенотка! – вскричал король с выражением отвращения и наскоро крестясь. – Клянусь Святым Причастием! Ты, верно, ошибаешься.

– Я должен был сказать – *дочь гугенота*, – пояснил Шико. – Никто не осмелится отыскивать еретиков в свите Екатерины Медичи. Они бежали бы от нее, как черт от ладана. Жан Кальвин⁶⁰ имеет мало последователей в Лувре.

– Да простит мне Господь! – вскричал государь, хватаясь поспешно за четки. – Странно, – прибавил он после минутного молчания, – что я никогда ничего не слышал об этой девице и о ее истории. Уж не хочешь ли ты позабавить нас глупой басней?

– Разве королева Екатерина посвящает вас во все свои тайны, государь? – спросил Шико. – Я не думаю этого. Но послушайте меня, и вы узнаете историю Эклермонды, рассказанную самым романическим слогом.

И, принимая презабавную позу и уморительно важную мину, шут продолжал:

– Запертая в своей жалкой комнатке под бдительным надзором слуг ее величества, лишенная общения с придворными, и в особенности с теми, которых подозревают в ереси, Эклермонда до последнего времени проводила жизнь в полнейшем заключении. Кто бы ни был ее отец, по-моему, несомненно, что он был знатного рода и гугенот, так как его закололи в приснопамятную ночь святого Варфоломея. Будучи еще ребенком, Эклермонда была поручена вашей царственной матери, которая воспитала ее в истинной католической и апостольской вере таким образом, о каком я вам рассказывал.

– Черт возьми! Любопытная история, – отвечал король, – и теперь я вспоминаю некоторые подробности, которые ты передал, хотя они давно уже испарились из моей памяти. Мне надо видеть прекрасную Эклермонду и поговорить с ней. Наша мать дурно с нами поступила, не представив нам эту девицу.

⁶⁰ Кальвин Жан (1509–1564) – основатель кальвинизма как направления протестантизма; став с 1541 г. фактическим диктатором Женевы, превратил ее в центр Реформации, установив, по сути, теократическое правление; отличался крайней религиозной нетерпимостью.

– Ваша царственная мать всегда имеет уважительные причины для своих поступков, государь, и я отвечаю, что в настоящем случае ее кажущаяся небрежность вызвана наилучшими побуждениями.

– Убирайся к черту с твоим злым языком, негодяй, – со смехом произнес Генрих, – но мне, однако же, надо задать тебе еще вопрос. Постарайся ответить на него серьезно. Который из наших кавалеров влюблен в Эклермонду? Не обращай внимания на их взгляды, говори смело!

– Я бы не боялся говорить, если бы мне пришлось назвать одного из них, – отвечал Шико, – но дело совсем не в них. Прикажи, чтобы эти дворяне отошли на несколько шагов, и ты узнаешь имя своего соперника.

По знаку короля придворные немного отступили.

– Кавалер этот – Кричтон, – сказал Шико.

– Кричтон! – повторил король голосом, выразившим удивление. – Несравненный Кричтон, как его сегодня прозвали, когда он в открытой дискуссии одержал верх над университетом. Поистине это опасный соперник. Но ты заблуждаешься, называя его имя. Кричтон пойман в сети нашей сестры Маргариты Наваррской, а она менее всякой другой дамы во Франции расположена переносить непостоянство. Значит, мы можем быть спокойны с этой стороны. Вдобавок он нисколько не думает о других красавицах. А кстати о Кричтоне: я теперь вспомнил, что еще не видел его сегодняшним вечером, удостоит ли он своим присутствием наше празднество? Наша сестра Маргарита вянет в его отсутствие, как больной цветок. Самые резкие остроты Брантома и самые причудливые стихи Ронсара не в состоянии вырвать у нее улыбку. Что же с ним случилось?

– Я ничего об этом не знаю, – отвечал шут. – Он с величайшей быстротой удалился из Наваррской коллегии по окончании битвы с этими коварными школьниками, этими полновесными олухами, как назвал бы их дядя Панург, из которых многие, как я уже докладывал вашему величеству, водворены в тюрьму в ожидании вашего распоряжения. Но что было с ним после этого, я не знаю, кроме того, что он, возможно, открыл убежище похитителя.

– Ты говоришь загадками, – с важностью сказал король.

– Вот этот может вам объяснить загадку, государь, – отвечал Шико. – Он премудрее самого Эдипа⁶¹, этот черный астролог, от него вы все узнаете.

– Руджиери! – вскричал король. – В самом ли деле это наш астролог, или кто-либо из скрытых за масками воспользовался его костюмом?

– Это совершенно невероятно, – отвечал Шико. – Разве что тот, кто стремится быть в один прекрасный день заколотым, что, вероятно, ожидает Руджиери, если только он избегнет виселицы.

В ту минуту, как Шико оканчивал свои слова, астролог подошел к королю, и в его обращении было заметно смущение и беспокойство.

– Что такое случилось? – спросил у Руджиери шут, глядя на него со злобной гримасой. – Разве звезды потемнели, а луна затмилась? Или на небе появилась длиннобородая комета? Какое еще чудо совершилось? Или твой любовный напиток не удался? Твои изображения растопились, или по ошибке ты отравил друга? Не убежал ли твой карлик с ведьмой или с саламандрой? Не превратилось ли твое золото в сухие листья? Не оказались ли поддельными твои драгоценности? Не потеряли ли свою силу твои снадобья? Именем Трисмежиста, что же произошло?

– Удостойте меня, ваше величество, минутой разговора, – сказал Руджиери, низко кланяясь и пренебрегая насмешками шута. – То, что мне надо передать вам, очень важно.

– Если так, то говори, – приказал король.

⁶¹ Эдип – мифологический персонаж, фиванский царь; сам того не зная, убил своего отца и женился на своей матери; узнав истину, ослепил себя. Миф об Эдипе послужил сюжетом для многих авторов (Софокл, Сенека, Боккаччо, Вольтер и др.).

Руджиери взглянул на Шико. Король сделал знак рукой, и шут против воли удалился.

– Бьюсь об заклад, – прошептал он, – что эта проклятая сова вылезла из своего дупла для того, чтобы рассказать королю о Кричтоне и о джелозо. Если бы я мог слышать что-нибудь из этого разговора! Мне кажется, что мой слух не так тонок, как обычно, или же хитрый плут намеренно говорит тише. Его величество, кажется, крайне изумлен, но не рассержен. Он улыбается. Что же это за мнимая тайна, которую передает этот старый обманщик?

В продолжение этого времени Генрих с видимым изумлением слушал сообщения Руджиери, прерывая их только отрывистыми восклицаниями и пожатием плеч. Когда астролог закончил, он после минутного размышления ответил ему с улыбкой:

– Я наблюдал за этой маской в отеле Бурбон, Руджиери, но я и не подумал, чье лицо под ней скрывается. Смерть Христова! Нечего сказать, хорошее известие ты принес мне, аббат. Кажется, с меня достаточно моих собственных грешков, чтобы еще брать на себя ответственность за чужие. Но все-таки этот молодой ветреник может быть уверен в моей помощи. Видел ли ты принца Наваррского?

– Нет, государь, – отвечал Руджиери, – и что бы ни случилось, какой бы опасности ни подвергнулся он благодаря своей молодости и горячей крови, умоляю ваше величество сохранить его тайну и не отказать ему в вашем покровительстве.

– Ничего не бойтесь, даю вам наше королевское слово. Corblue!⁶² Я люблю всевозможные тайны и интриги и с удовольствием поддерживаю его. Этот молодой человек, пускающийся на такое безумное приключение, в моем вкусе. Я восхищен этой историей, но все-таки, признаюсь, не могу понять, как подобная женщина могла ему причинить столько мучений. Наши актрисы обыкновенно не так жестокосерды и особенно к человеку, такому значительному, как наша маска. Эх, аббат, мне кажется, что это небывалый случай.

– Здесь кроется колдовство, государь, – таинственно отвечал Руджиери, – его удерживают чары.

– Матерь Божья! – сказал король, набожно крестясь. – Предоохрани нас, Святая Матерь, от козней демона, и все-таки, Руджиери, я должен сознаться, что я не совсем верю этим мнимым искушениям. В черных глазах этой джелозо, наверное, заключается гораздо более очарования, чем в твоих самых искусных составах. Но каков бы ни был источник, ясно, что очарование достаточно сильно, чтобы свести с ума нашу маску, иначе он бы никогда не наделал таких безумств, гоняясь за этой женщиной.

– Государь, я выполнил мое поручение, – отвечал Руджиери. – Я предупредил ваше величество о попытках Кричтона. Позвольте вы мне удалиться?

– Останься! – сказал король. – Мне пришла в голову одна мысль. Де Гальд, – обратился он к старшему камердинеру, – передайте королеве, нашей матери, что мы желаем переговорить с ней одну минуту, и вместе с тем попросите от нашего имени ее величество, чтобы она воспользовалась этим случаем представить нам девицу Эклермонду.

Де Гальд, отвесив поклон, удалился.

– У меня тоже есть тайна, Руджиери, и – странная вещь – этот Кричтон и в ней замешан. В первый раз сегодня вечером узнал я, что в Лувре была воспитана чудная красавица, никому не известная, но в которую влюблен Кричтон. Я только что пришел в себя от изумления, вызванного этой новостью, как ты явился с известием, что этот красивый джелозо, доставивший мне столько удовольствия своими песнями и романсами, оказался переодетой девушкой, которая, спасаясь от преследований итальянца, бросается в объятия Кричтона. Что должен я обо всем этом думать, хорошо зная, что этот самый Кричтон – счастливый возлюбленный нашей сестры Маргариты, которая ради него отказалась от всех своих прежних страстишек и которая стережет его с бешеной ревностью, как будто это ее первая любовь? Что должен я об этом думать?

⁶² Черт возьми! (фр.)

– Что Венера улыбнулась ему при рождении, государь, – отвечал Руджиери, низко кланяясь. – Он многим обязан не самому себе, а влиянию небесных светил. Его предназначение – постоянный успех. Клянусь Нострадамусом!⁶³ Вы счастливы, ваше величество, что не находитесь в положении нашей маски. Если бы вы удостоили вашим расположением ту же девушку, которую любит Кричтон, то я боюсь, что даже вы имели бы очень мало шансов на успех.

– Sang Dieu!⁶⁴ – воскликнул Генрих. – Они все одного мнения. Точно так же думает и Шико. Послушай меня, Руджиери, что касается Эклермонды, то я имею на нее свои виды. В деле джелозо ты и твоя маска можете рассчитывать на мою поддержку. Взамен я обращусь к тебе за помощью, если встретится какое-либо непредвиденное препятствие. Что же касается Кричтона, то мы предоставляем его бдительности нашей сестры Маргариты. Ей достаточно будет намека. Она избавит нас от больших затруднений. Мы увидим, может ли сам несравненный Кричтон потягаться в любовных делах с Генрихом Валуа.

Руджиери пожал плечами:

– Бесполезно бороться против влияния звезд, государь.

– Но ведь звезды не говорят, что Эклермонда будет принадлежать ему, а, аббат?

– Его земное поприще будет блистательно, – отвечал Руджиери – по крайней мере, звезды предсказывают ему это.

В эту минуту приблизился де Гальд и доложил о ее величестве Екатерине Медичи и девице Эклермонде. Обе были без масок.

⁶³ *Нострадамус* Мишель (1503–1566) – французский астролог, врач, автор знаменитого сочинения «Центурии» (1558), в котором он дает многочисленные предсказания.

⁶⁴ Клянусь Богом! (*фр.*)

Эклермонда

Генрих III, хотя и совершенно лишенный чувств, был самым воспитанным государем в мире. Итак, с утонченной вежливостью обращения, которой обладал в высшей степени, он подошел к Эклермонде и, пока она выражала ему свои верноподданные чувства, взял ее руку и поднес к губам. Потом с самой привлекательной улыбкой принялся расточать похвалы ее красоте в тех лестных словах, которые так увлекательно умеют говорить вообще все короли, а Генрих лучше всех других. Он с такой ловкостью старался рассеять ее смущение, что весьма скоро преуспел в этом. Да и в самом деле, какое женское сердце устоит против внимания, оказываемого монархом?

Изумленная появлением астролога, присутствие которого на балу помимо ее воли она не могла себе истолковать и который напрасно старался разными выразительными жестами дать ей понять, зачем он пришел в Лувр, Екатерина Медичи, всегда подозрительная к своим поверенным, не сумела или не пожелала понять эти жесты. Во время непродолжительной церемонии представления она устремила на него разгневанный взор и, как только позволил ей этикет, отозвала Руджиери в сторону и стала расспрашивать о причине его присутствия. Увидав, что его проницательная мать занята, Генрих, спешивший воспользоваться представившимся случаем начать поход к сердцу прекрасной фрейлины, предложил руку Эклермонде и осторожно отвел ее в нишу великолепного окна, чтобы иметь возможность говорить с ней наедине.

Хотя обычно Генрих не был искренен в выражениях своего восторга, в этом случае мы должны снять с него обвинение в притворстве. Его в высшей степени поразила, да иначе и не могло быть, чрезвычайная красота Эклермонды. Пресыщенный блеском красавиц своего двора, с сердцем, нелегко поддающимся новым впечатлениям и склонным слишком строго относиться ко всем деталям женской красоты, он должен был согласиться, что не только не встречал ничего равного красоте Эклермонды, но что в ее лице, во всей ее фигуре и – что имело равную важность в его глазах – в ее наряде не было ни малейшей детали, которую бы его разборчивый глаз не нашел безукоризненной.

Увы! Как мало представления могут дать слова о той красоте, которую мы желали бы описать. Образ, созданный поэтом, исчезает под красками, которые он вынужден употреблять. Перо бессильно описать то, что так живо изображает кисть; оно не может ни с совершенной точностью определить изящный контур лица, ни передать свежести и жизненности цвета кожи, блеска глаз, красоты губ, оттенка волос. Одно только воображение в силах представить все эти подробности, и мы охотно уступаем воображению читателя заботу начертать портрет Эклермонды, снабдив его только кое-какими советами для руководства. Итак, представьте себе черты лица, отлитые по самому безукоризненному образцу и выточенные с самым нежным и строгим вкусом. Глаза – глубокие, темно-голубые, с выражением неизъяснимой кротости, уста несут в себе несказанную прелесть, а крошечная ямочка на круглом и гладком подбородке просто очаровательна. Ее высокий белый лоб оттеняли каштановые волосы. Заплетенные на затылке в косы и слегка завитые с боков, они были украшены ниткой жемчуга и соединены на затылке бантом из лент – прическа, введенная во Франции злополучной Марией Стюарт, награжденная ее именем и вошедшая во всеобщее употребление. Ее лебединую шею охватывал гладкий кисейный воротничок, обшитый кружевом. Платье было сделано из роскошного флорентийского бархата пурпурного цвета, длинный заостренный корсаж которого привлек внимание Генриха к тонкой талии и великолепно сформированной груди молодой девушки. Мы заметим мимоходом, что чрезмерная страсть к тонким талиям достигла тогда своего апогея. Корсаж, так же плотно прилежавший, как латы, стягивался на талии до того, что те дамы, полнота которых переходила за ожидаемые пределы грации, с трудом могли дышать в его обременительных тисках, тогда как нелепые рукава, которыми отличались кавалеры той эпохи, были также в

употреблении у дам. Эклермонда, наравне с прочими, заплатила дань этой моде, составлявшей преступление против красоты; в противном случае, несмотря на все свое очарование, она вряд ли бы заслужила благоволение своего государя. Нас уверяли, что эти объемистые покровы рук набивались огромной кучей шерсти, которая их поддерживала, и были таких размеров, что вмещали в себя три или четыре рукава современного покроя. Они обшивались кружевами с зубчиками, а кисейная оборка, так же накрахмаленная, как и та, которая носилась на воротнике, дополняла смешной наряд рук. На шее Эклермонды была надета цепочка из золотых медальонов, а единственная жемчужина в форме груши висела на груди.

При высоком росте Эклермонда имела грациозную и горделивую походку. Любуясь ее прелестной и кроткой наружностью, Генрих думал, что, за исключением одной только женщины, он никогда не видел ничего подобного ее красоте. Эта женщина была Мария Шотландская, прелести которой во времена ее свадьбы с его старшим братом Франциском II произвели сильное впечатление на его молодое сердце и восхитительные черты которой имели такое необычайное сходство с чертами Эклермонды, что оно его поразило. Ее глубокие голубые глаза имели ту же томность, улыбка – ту же неизъяснимую прелесть. Те же жемчужные зубы, тот же вздернутый носик – высшая прелесть женщины, хотя он и составляет признак склонности к кокетству тех, которым принадлежит, тот же гладкий лоб, – одним словом, сходство было необычайно, и Генрих не замедлил его отметить. Через несколько минут он уже был влюблен до безумия, то есть настолько влюблен, насколько это возможно для короля в подобных обстоятельствах и в особенности для такого пресыщенного человека, каким был Генрих.

– Клянусь Купидоном! Прекрасная Эклермонда, – сказал он, все еще удерживая ее руку, – мы, право, способны обвинить нашу мать в оскорблении величества за то, что она так долго лишала нас удовольствия, которое мы вкушаем, приветствуя на нашем балу под масками самую прелестную из наших гостей. Клянусь Богом! Зная наше пылкое поклонение красоте, ее величество жестоко с нами поступила, и нам было бы трудно забыть ее поступок, если бы наше настоящее удовольствие не заглаживало до некоторой степени нашего прежнего разочарования.

– Ваше величество придает этому обстоятельству гораздо более значения, чем оно на самом деле того заслуживает, – отвечала Эклермонда, стараясь легонько высвободить руку. – Как ни лестно для меня ваше внимание, но я никогда не добивалась этой чести.

– Совершенно справедливо, моя красавица, – возразил король. – Красота имеет такое право на наше внимание, что перед ним все прочие соображения отходят на второй план. Мы не были бы настоящим Валуа, если бы поступали иначе. Вы позволите мне отвести вас к столу? – прибавил он более тихим голосом и с такою горячностью, относительно которой невозможно было ошибиться.

Краска покрыла лицо Эклермонды.

– Государь, – ответила она, похолодев, – рука моя в вашем распоряжении.

– Но не ваше сердце? – спросил король голосом, полным страсти.

Эклермонда задрожала. Она видела опасность своего положения и призвала на помощь всю свою смелость.

– Государь! – возразила она, опустив глаза в землю, голосом, которому старалась придать твердость. – Я не могу располагать моим сердцем, оно уже не принадлежит мне.

– Смерть Христова! – вскричал король, не будучи в состоянии побороть свое неудовольствие. – Вы признаетесь, что вы влюблены...

– Я этого не говорила, государь.

– Как? Ведь ваше сердце принадлежит другому!

– Я обручена с Небом, мое назначение – монастырь.

– Только-то? – сказал Генрих, становясь спокойным. – Я было подозревал, что существуют другие узы, которые вас привязывают к земле. Но монастырь? Нет, нет, этого никогда не будет, милочка.

– Ваше величество не станет противиться велению Неба, – возразила Эклермонда.

– Я не буду противиться моему собственному желанию, – весело ответил Генрих, – жертва слишком велика. Никакой монастырь не скроет такую прекрасную святую, пока я могу удержать ее. Небо, я уверен, не имеет никакого желания отнимать у нас сокровища, которыми оно нас наделило. Подобные дары редки, ими не надо легкомысленно пренебрегать, и я исполню свою обязанность, сделав невозможным это жертвоприношение на алтаре неверно понятого усердия. Если это решение исходит от королевы-матери, то мы употребим нашу власть, чтобы противодействовать ее намерениям, так как, клянусь Пресвятой Богородицей, дитя мое, я не могу допустить, что свет вам так сильно опротивел, что вы желаете удалиться от него, тогда как вас ожидает самое блестящее будущее. Ваш путь усыпан цветами, и все рыцарство Франции с ее монархом во главе готово сражаться за одну вашу улыбку.

– Такова воля королевы, вашей матери, – отвечала Эклермонда, бросая робкий взгляд на Екатерину Медичи, которая не заметила этого взгляда, будучи слишком поглощена своим глубокомысленным совещанием с астрологом. – Решение ее величества будет исполнено. Я в ее власти, она распорядится мною по своему усмотрению.

– Но не без нашего соизволения, – добавил король, – а мы не будем очень торопиться дать его. Смерть Христова! Ее величество так играет нашим скипетром, как будто ее рука управляет им. Мы удостоверим ее в противном. Как могла ей прийти нелепая мысль похоронить прелестнейшую из своих фрейлин в стенах неизвестного монастыря! Это выше нашего понимания. Куда бы еще ни шло, если бы это придумала наша королева Луиза, которая постоянно носит тревник в своей сумке. Но чтобы наша мать, хотя столь же ревностная, как и мы, в деле обеден и вечерен, но не особенно фанатичная, решилась на такой нелепый поступок, – вот что для меня непонятно. *Corbleu!* У нее существуют какие-нибудь особенные причины.

– Ее величество, сколько мне известно, не имеет других причин, кроме своего усердия к вере.

– Вам может так казаться, моя милочка, но побуждения нашей матери глубоко сокрыты. Какова бы ни была причина, вам нечего бояться ее вмешательства. Разве только вы будете побеждены собственной склонностью, иначе вы никогда не дадите обета, отдающего вас во власть Неба в ущерб тем, которые остаются привязанными к земле.

– Мои уста не произнесут никогда этого обета, – с живостью возразила Эклермонда, – но я не могу, не смею принять от вас эту милость, государь.

– Почему же, милочка?

– Короли не раздают милостей без надежды на вознаграждение, а я не могу ничем вознаградить вас.

– Вы, по крайней мере, можете отблагодарить меня улыбкой, – сказал с нежностью Генрих.

– Я бы вас благодарила на коленях, государь, за ту милость, которую вы мне обещаете, если бы было достаточно одного выражения благодарности, но я чувствую, что этого будет мало. Я не могу ошибиться в значении ваших взглядов. Благодарность, преданность, честная привязанность к вашему величеству будут всегда наполнять мое сердце, но не любовь, кроме той, которой каждый подданный обязан своему государю. Располагайте моей жизнью и моей участью, но не требуйте моего сердца, государь, оно не принадлежит мне более, и вы стали бы безуспешно его добиваться.

– Если оно не принадлежит вам, – возразил с легкой иронией Генрих, – то кому же вы его отдали?

– Ваш вопрос не великодушен, он недостойн вас!

– Ну так я вас освобождаю от ответа, – сказал король. – Тем более, – добавил он с многозначительной улыбкой, – что мы уже знаем эту тайну. Нам известно каждое слово, сказанное в этих стенах, а слова несравненного Кричтона не были настолько тихи, чтобы избежать нашего внимания. Что, Эклермонда, ошибаемся ли мы?

– Государь!..

– Не дрожите, дитя, я никогда не раскрою эту тайну. Но, однако же, есть одна особа, против которой я обязан вас предостеречь. Вы ее не так хорошо знаете, как я. И дай бог, чтобы вы никогда не узнали ее лучше!

– О ком вы говорите, ваше величество? – спросила Эклермонда со смущенным видом.

– Кто эта особа, которую вы там видите? Кто королева, солнце празднества, вокруг которой совершают свое движение все меньшие звезды и которая распределяет свои лучи равномерно на всех, как это обыкновенно делают подобные светила?

– Сестра вашего величества, Маргарита Валуа?

– Так точно, против нее-то мы вас и предостерегаем.

– Я вас не понимаю.

– Смерть Христова! Это странно. А между тем мы говорим достаточно ясно. Вы, конечно, не вздумаете уверять нас, что для вас неожиданен сделанный нами намек на связь Кричтона с нашей сестрой Маргаритой! Весь двор знает и говорит об этом или, скорее, говорил, так как эта скандальная история уже устарела и никого больше не занимает. Наша сестра так часто меняет своих обожателей, что только одно ее постоянство может еще возбудить удивление. Недавно еще это был Мартиг, потом Ла Моль⁶⁵, далее красавец Сен-Люк, потом де Майен – добрый товарищ, *большой и толстый*, как называет его наш брат Генрих Наваррский, потом Тюренн⁶⁶ – из прихоти, потом Бюсси д'Амбуаз⁶⁷. Место Бюсси занял Кричтон, который, обезоружив д'Амбуаза, слывшего до тех пор непобедимым на шпагах, остался его победителем и в любви, заключив собою длинный ряд любовников нашей прелестной сестры. Вот вам положение дел. Долго ли будет так продолжаться? Это зависит от вас. Маргарита никогда не потерпит соперницы, а можете ли вы допустить, чтобы тот, кого вы любите, был рабом и любовником другой женщины?

– Я этого не знала. И добивался ли он... добивается ли сеньор Кричтон расположения королевы Наваррской?

Король улыбнулся.

– Кричтон обманул вас, – сказал он после минутного молчания, в продолжение которого внимательно следил за переменной, происходившей на лице молодой девушки.

– Действительно, он обманул меня, – отвечала она с тоской.

– Забудьте его.

– Я попробую.

– Вы можете сделать и больше. Месть в вашей власти. Его коварство заслуживает этого. На вашей стороне вся выгода положения, противопоставьте королеве короля.

– Никогда!

– В таком случае вас ожидает монастырь.

– Я скорее умру!

– Как так?

– Я никогда не соглашусь на пострижение.

⁶⁵ *Ла Моль* Гиацинт де (?–1574) – французский дворянин, фаворит герцога Алансонского Франсуа. Жертва придворных интриг; казнен по обвинению в наведении порчи на короля.

⁶⁶ *Тюренн* Анри де Ла Тур д'Овернь (1555–1623) – французский военачальник и придворный, виконт, активный участник религиозных войн во Франции, гугенот, отец знаменитого полководца времен Людовика XIV.

⁶⁷ *Бюсси д'Амбуаз* Луи де Клермон (ок. 1549–1579) – французский дворянин, видный политический деятель своего времени, фаворит герцога Алансонского Франсуа; убит в результате политических интриг последнего.

– Что это значит? Разве ваша совесть не упрекает вас? Ба! Неужели приемная дочь Екатерины Медичи еретичка? Это невозможно.

– Достаточно, что я готова умереть.

– Вы еще дорожите жизнью, надеждой, любовью...

– Меня привлекает Небо, государь, Господь – моя единственная опора.

– Тогда для чего же отказываться от пострижения?

Эклермонда не отвечала.

– Ах! Что значат эти колебания?.. Я боюсь, что мои подозрения были обоснованны. Неужели вы увлеклись гнусным учением Лютера⁶⁸ и Кальвина? Неужели вы одурманены их жалкой ересью? Неужели же вы подвергли опасности спасение своей души?

– Я, напротив, думаю, что я приблизила его, государь, – отвечала с кротостью Эклермонда.

– Как, вы сами сознаетесь...

– Я протестантка.

– Проклятие! – вскричал Генрих, отступая, перебирая четки и опрыскиваясь духами одного из флаконов, висевших у него на поясе. Протестантка, смерть Христова! Еретичка в нашем присутствии! Какой стыд для нашей проницательности! Да еще такая хорошенькая молодая девушка! Черт возьми! Снисхождение, разрешение и прощение грехов, даруй мне, Господи, – продолжал он, набожно крестясь. – Я прихожу в ужас. От разных мыслей и наваждений бесовских избави меня, Господи. – Потом он еще раз прочитал «Отче наш», снова опрыскал себя и после этого прибавил с большим спокойствием: – Это счастье, что никто нас не слышал. Еще не поздно отречься от ваших заблуждений... Откажитесь от ваших неразумных слов, и я их забуду.

– Государь, – спокойно отвечала Эклермонда, – я не могу отречься от того, что сама утверждала. Я придерживаюсь реформатского исповедания. Я отвергаю всякую другую веру. Та, которую я исповедую, есть истинная. В этой вере я буду жить, в ней же, если надо будет, и умру.

– Ваши слова могут легко стать пророческими, сударыня, – сказал Генрих насмешливым голосом. – Понимаете ли вы, какой опасности подвергает вас это безрассудное признание в ваших заблуждениях?

– Я готова подвергнуть себя той же участи, как и мой отец и все мое семейство, ставшие мучениками за веру.

– Все вы, еретики, очень упрямы. Этим объясняется ваше сопротивление моим желаниям. И все-таки, – прошептал он, – я не уступлю так легко, из-за беспокойства совести я не намерен поступать против своих желаний. К тому же мне пришло на память, что я имею индульгенцию от Его Святейшества папы Григория XIII, подходящую к данному случаю. Посмотрим на ее содержание: за связь с гугеноткой – двенадцать добавочных обеден в неделю в течение трех недель, или богатый ларец для ризницы церкви Невинных, или сто золотых урсулинкам⁶⁹ и такую же сумму иеронимитам⁷⁰, или процессия с монахами ордена бичующихся. Этой ценой я заслужу прощение Его Святейшества. Епитимья довольно легкая, но хотя бы она была и труднее, я бы охотно ее перенес. Странная вещь! Гугенотка, затерявшаяся в Лувре, – это надо исследовать. Наша мать должна знать эту тайну. Ее осторожность, ее таинственный вид доказывают, что это дело ей известно. Мы справимся об этом на досуге, равно как и о

⁶⁸ Лютер Мартин (1483–1546) – деятель Реформации в Германии, начало которой положило его выступление в Виттенберге с 95 тезисами против индульгенций (1517). Основатель лютеранства, идеолог консервативной части бюргерства.

⁶⁹ Урсулилки – женский монашеский орден, основанный в 1537 г. под покровительством святой Урсулы, католической святой VII в.

⁷⁰ Иеронимиты – общее название различных монашеских орденов, избравших своим патроном блаженного Иеронима.

подробностях, касающихся этой девушки. Гугенотка! Смерть Христова! От кого научились вы, – спросил он, – этим проклятым догмам?

– Ваше величество, извинит меня, если я не отвечу на этот вопрос?

– Как вам будет угодно, милочка. Теперь не время и не место выпытывать у вас ответ. Ваша история и ваше поведение сбивают меня с толку в одинаковой степени, но все равно со временем все объяснится. Пока что я был обыкновенным поклонником, старающимся в этой роли добиться вашего расположения. Теперь же я снова становлюсь королем и прошу вас не забывать, что вы моя подданная, что от меня зависят ваша жизнь, ваша свобода, вся ваша особа. Я также не упущу из виду потребности вашей души, в целях ее спасения я могу обратиться к помощи самых ревностных из наших церковнослужителей. Если принятые мною меры покажутся вам слишком строгими, жалуйтесь за это на ваше собственное упрямство. Мое самое искреннее желание – поступать ласково. Я требую лишь повиновения. Итак, я даю вам время на размышление до полуночи. Вы положите на одну чашу весов мое благоволение, мое покровительство, мою любовь – так как я вас все-таки люблю, а на другую – неверность Кричтона, монастырь и, может быть, еще более тяжелый жребий. Сделайте выбор. После ужина вы мне дадите ответ и не упускайте из виду, что он бесповоротно решит вашу участь.

– Мой ответ всегда будет одинаков, – сказала Эклермонда.

В эту минуту на другом конце зала раздались шумные рукоплескания, тогда как оркестр в это время играл веселые арии. Эклермонде эти звуки казались дикими и нестройными, и весь этот шум радостного веселья раздавался в ее ушах подобно адской музыке. Блестящие залы с их беспрестанно меняющейся толпой масок исчезли, и пред глазами ее предстали, подобно фантастическому видению, инквизиторы, закрытые капюшонами, строгие и угрожающие судьи, монахини в белых одеждах, пред которыми, казалось ей, она стоит с распущенными волосами, закрытая покрывалом.

Она хотела бежать и искать защиты, но, оглянувшись вокруг, увидела около себя только приторное и нахальное лицо Генриха.

Музыка снова весело заиграла, и танцующие пары пронеслись мимо них подобно огненному вихрю.

– Но мы только даром теряем здесь время, – сказал король. – Не говорите ни слова Кричтону о нашем разговоре, сударыня, если вы дорожите своей и его жизнью, а если, что весьма вероятно, он появится на нашем празднике, то наденьте снова вашу маску и возвратите себе прежнее хладнокровие. Вот так, очень хорошо!

Едва будучи в силах сдерживать волнение, Эклермонда, следуя приказанию короля, надела маску и хотя с трепетом, но подала ему свою руку.

В то время когда они выходили из ниши окна, где происходил их разговор, Шико подошел к Генриху.

– Что тебе надо, шут? – спросил Генрих. – Твое благоразумное лицо имеет более осмысленное выражение, чем обычно.

– Это доказывает, что я не влюблен и не пьян, – отвечал Шико, – а вы сами знаете, что оба эти случая только усиливают наше фамильное сходство, так как ваше величество постоянно или то, или другое, а довольно часто – и то и другое вместе. Итак, потрудитесь отнести избыток осмысленности на моем лице на счет моей воздержанности и моего благоразумия.

– Что предвещают эти цветы красноречия?

– То, что глашатай объявляет на площади: новости! новости!

– Хорошие или дурные?

– Дурные для вас, хорошие для вашей очаровательной собеседницы.

– Это еще почему?

– Потому что случилось то, чего вы оба ждали. Она будет довольна, а вы обманетесь в своих надеждах.

– Послушай, ты выбрал дурное время для шуток!

– Значит, я поступил совершенно как вы, ваше величество, выбрав его для изъяснения в любви.

– Замолчи, негодай, или говори, что привело тебя сюда?

– Что сделает государь для человека, которого он желает почтить?

– Кто же этот человек?

– Тот, кто более Генриха Лотарингского, или Генриха Наваррского, или Филиппа Испанского, или даже – вопреки всем законам – вашей царственной матери угрожает вашей власти, государь. Смотрите, как ваши верные подданные отдалаются от вас. Если ваше величество сами уклоняетесь от этого долга, то позвольте девице Эклермонде приветствовать его.

– Ах! Я начинаю тебя понимать. Ты хочешь возвестить приход того, кому наш университет дал прозвание несравненного Кричтона?

– Я из предосторожности должен сказать вашему величеству о его приходе, как я бы уведомил моего друга о возвращении ревнивого мужа.

– Кричтон! – воскликнула Эклермонда, выходя из оцепенения при имени своего возлюбленного. – Он здесь! Смею ли я испросить у вашего величества дозволения возвратиться к ее величеству, вашей матери?

– Нет, милочка, – холодно отвечал Генрих. – Мы не желали бы лишить вас удовольствия присутствовать при нашем свидании с этим фениксом учености. Итак, вы останетесь при нас и в особенности, – добавил он так тихо, что одна Эклермонда могла его слышать, – не упускайте из виду данного нами совета. Вы в свое время получите достаточно доказательств его непостоянства. Господа, – прибавил он громко, обращаясь к присутствовавшим вельможам, – подойдите сюда. Завоеватель университета недалеко от нас. Очень редко случается королям встречать в среде придворных ученого. Вы, вероятно, помните, что во время нашего последнего турнира и последовавшего за ним боя диких зверей мы предсказали, что Кричтон прославит себя. Он отличился, но таким способом, которого мы менее всего ожидали. Мы обещали ему награду – сегодня вечером мы желаем выполнить наше царственное обещание. Жуайез, передайте ее величеству королеве Наваррской, что мы просим ее к себе. Для нее, без сомнения, прием, оказываемый нами Кричтону, будет особенно интересен. Матушка, если ваша беседа с Руджиери окончена, то ваше присутствие придаст еще большую благосклонность нашему приему. Прошу вас, садитесь, мы желаем принять несравненного Кричтона так, как прилично королю.

Генрих сел на богатое кресло, принесенное слугами, и был тотчас окружен придворными, составившими около него блестящий полукруг.

Екатерина Медичи, разговор которой с астрологом бы уже окончен, заметила, хотя и с некоторым неудовольствием, внимание, оказываемое Генрихом Эклермонде. Однако, всегда стараясь потакать любовным прихотям сына, а не обуздывать их (в этом-то и состояла тайна ее могущества), она не показала ни малейшего признака неудовольствия и величественно села рядом с ним. Позади Екатерины примостился Руджиери, бросая по сторонам яростные и беспокойные взгляды, подобно гиене в клетке.

Ближе к королю, держась за трон обеими руками, чтобы не упасть, стояла Эклермонда, пребывавшая в полуобморочном состоянии.

Шико попросту улегся у ног своего государя, держа в руках погремушку, а на коленях любимую собаку Генриха, болонку с длинными ушами, большими глазами и шелковистой шерстью, пряди которой волочились по земле. Бедный Шателар! Между тем как красивое животное подчинялось его ласкам, Генрих на минуту вспомнил ту, от которой, как от сестры, получил он его в знак памяти. Он вспомнил о Марии Шотландской, о ее заключении, о ее красоте, о странном сходстве с ней Эклермонды, и его страсть разгорелась с новой силой.

«Странная вещь! – говорил он мысленно. – Я бы желал, чтобы она была жидовкой или язычницей! Тогда можно было бы надеяться получить от нее чего-нибудь, но гугенотка – уф!»

Генрих III

Появление Кричтона на празднестве привлекло всеобщее внимание. Его блестящая победа в университете наряду с его храбрым, рыцарским характером возбуждала всеобщее изумление и составляла предмет всех разговоров. Каждый выражал свое удивление и задавал себе вопрос: когда успел он приобрести эту изумительную ученость, которая превзошла ученость всех докторов и озадачила самых искусных логиков в королевстве. Господствующее мнение было, что это дар свыше. Как же иначе мог он достигнуть таких всеобъемлющих познаний? Его видели на охоте, в фехтовальном зале, на карусели, на каждом празднике, и в каждом случае он быстрее других осваивал все тонкости этих забав и принимал в них участие с увлечением и беспечностью, одному ему свойственными. Одним словом, его видели везде, кроме его кабинета, где бы более всего должно было предполагаться его присутствие. Он постоянно будоражил жизнь высшего общества: первым затевал всякие удовольствия, во всем имел успех и не пренебрегал никакой забавой, которая могла доставить ему развлечение, то поддаваясь улыбкам красавиц, то откликаясь на внутренний зов игрока, кости которого, казалось, повиновались ему с удовольствием – так ловко умел он владеть стаканом, то прислушиваясь к многочисленным тостам, отдавая честь Бахусу, дары которого, сверкающие в кубках, казалось, не несли для него никакого опьянения. Но, однако, этот беспечный, легкомысленный сибарит, гонявшийся за удовольствиями с горячностью, незнакомой самым сладострастным людям, одержал победу над самыми образованными и трудолюбивыми представителями воздержанности и учености.

Все это казалось непонятным. Был только один способ разрешить загадку, причем суеверия того времени допускали этот способ. С умом, украшенным такими обширными познаниями, человек, столь богато одаренный, мог приобрести все эти сведения не иначе как с помощью сверхъестественных сил. Кричтон должен был быть вторым доктором Фаустом, наделенным постоянной юностью, или фантастическим врачом Жеромом Карданом⁷¹, возвратившимся с того света, или Парацельсом⁷², или, может быть, самим знаменитым чародеем Корнелием Агриппой⁷³, – так как черная собака Кричтона вполне была сходна с описанием, данным Паоло Иовием⁷⁴ огромному животному, сопровождавшему страшного колдуна, – о котором ничего не было слышно с тех пор, как он исчез, нырнув в Сену. Правда, это заключение было немного поколеблено всем известным благочестием Кричтона, но оно, по крайней мере, привлекало к нему еще больший интерес, окутывая его личность покровом таинственности. Каждого привлекает сверхъестественное, а в XVI веке народ любил все сверхъестественное до безумия. Политика и религия, между которыми существовала тогда такая тесная связь, были упущены из виду теми людьми, которые старались определить характер Кричтона. Если какой-либо дворянин рассказывал о дуэли, Кричтон непременно упоминался в ней в роли основного или второстепенного действующего лица. Если какой-либо волокита принимался ухаживать за женщиной, он непременно находил известный повод для выяснения отношений, который занимал также ум и его возлюбленной. Невозможно было ни думать, ни говорить ни о чем, что не имело бы прямого или косвенного отношения к Кричтону.

⁷¹ *Кардан* Джироламо (1501–1576) – итальянский математик, философ, медик; вывел формулы для решения уравнений третьей степени, носящие его имя; занимался составлением гороскопов, предсказал день своей смерти.

⁷² *Парацельс* Филипп Аврелий Теофраст (1493–1541) – немецкий врач и естествоиспытатель, профессор в Базеле; первым начал рассматривать процессы, происходящие в организме, с химической точки зрения.

⁷³ *Агриппа* Генрих Корнелий (1486–1535) – один из наиболее образованных людей своего времени, ярчайший представитель Возрождения. В течение своей жизни был воином, профессором, юристом, теологом, философом, медиком, историком, государственным деятелем, магом. Писал стихи, неплохо рисовал, знал много языков.

⁷⁴ *Иовий* (Джовио) Паоло (1483–1552) – итальянский историк, священник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.